

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

Дело «Лопес Рибальда и другие (López Ribalda and Others) против Испании»¹

(Жалобы №№ 1874/13 и 8567/13)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 17 октября 2019 г.

По делу «Лопес Рибальда и другие против Испании» Европейский Суд по правам человека, заседавая Большой Палатой в составе:

Линос-Александра Сицилианоса, *Председателя Большой Палаты,*

Гвидо Раймонди,

Ангелики Нуссбергер,

Роберта Спано,

Винсента А. де Гаэтано,

Йона Фридрика Кьельбро,

Ксении Туркович,

Ишиль Каракаш,

Анны Юдковской,

Андре Потоцкого,

Алеша Пейхала,

Фариса Вехабовича,

Йонко Грозева,

Мартиньша Митса,

Габриэле Кучко-Штадлмейер,

Латифа Гусейнова,

Марии Элосеги, *судей,*

а также при участии Сёрена Пребенсена, *заместителя Секретаря Большой Палаты Суда,*

рассмотрев дело в закрытом заседании 20 июня 2019 г.,

вынес в указанный день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано двумя жалобами (№№ 1874/13 и 8567/13), поданными против Королевства Испания в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав

человека и основных свобод (далее – Конвенция) пятью подданными Испании (далее – заявительницы), подробная информация о которых указана в Приложении, 28 декабря 2012 г. и 23 января 2013 г. соответственно.

2. Интересы заявительниц в Европейском Суде представлял адвокат Х.А. Гонсалес Эспада (*J.A. González Espada*), практикующий в г. Барселоне. Власти Испании были представлены Уполномоченным Испании при Европейском Суде Р.А. Леоном Каверо (*R.A. León Cervero*), государственным адвокатом.

3. Заявительницы жаловались на то, что принятое работодателем решение об их увольнении было основано на материалах видеонаблюдения, осуществленного в нарушение их права на уважение частной жизни, гарантированного статьей 8 Конвенции, а также что суды государства-ответчика не исполнили свою обязанность по обеспечению эффективной защиты данного права. Ссылаясь на статью 6 Конвенции, они жаловались на признание судом записей, сделанных в ходе видеонаблюдения, допустимыми доказательствами. Также ссылаясь на статью 6 Конвенции, с третьей по пятую заявительницы жаловались на то, что суды Испании утвердили соглашения об урегулировании претензий, которые заявительницы подписали с работодателем.

4. Жалобы были распределены в Третью Секцию Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). 9 января 2018 г. Палата, созданная в рамках этой Секции, в следующем составе: Хелены Ядерблом, Председателя, Луиса Лопеса Герра, Дмитрия Дедова, Пере Пастора Вилановы, Алёны Полачковой, Георгия А. Сергидеса, Жольен Шуккинг, судей, а также при участии Стивена Филиппса, Секретаря Секции Суда, – решила объединить рассмотрение жалоб в одном производстве, объявила их частично приемлемыми для рассмотрения по существу, установив нарушение статьи 8 Конвенции и отсутствие нарушения статьи 6 Конвенции. К Постановлению Палаты Европейского Суда прилагалось особое мнение судьи Дмитрия Дедова.

5. 27 марта 2018 г. власти Испании в соответствии со статьей 43 Конвенции ходатайствовали о передаче дела на рассмотрение в Большую Палату Европейского Суда. 28 мая 2018 г. коллегия судей Большой Палаты Европейского Суда удовлетворила данное ходатайство.

6. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Европейского Суда.

7. Власти Испании и заявительницы представили письменные замечания (пункт 1 правила 59 Регламента Европейского Суда). Кроме того, на стадии рассмотрения жалоб в Палате Европейского Суда были получены замечания от Европейской

¹ Перевод с французского языка Е.Г. Кольцова.

² Настоящее Постановление вступило в силу 17 октября 2019 г. в соответствии с пунктом 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

конфедерации профсоюзов (*European Trade Union Confederation*, далее – ЕКП), которым Председатель Палаты разрешил представить письменные замечания по делу (пункт 2 статьи 36 Конвенции и пункт 3 правила 44 Регламента Европейского Суда). В ходе рассмотрения жалоб в Большой Палате Европейского Суда ЕКП не представляла дополнительных замечаний.

8. Открытое слушание по делу состоялось во Дворце прав человека в г. Страсбурге 28 ноября 2018 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Европейского Суда).

В заседании Большой Палаты Европейского Суда приняли участие:

(a) со стороны властей Испании:

Р.А. Леон Каверо, Уполномоченный Испании при Европейском Суде,

А. Бресмес Мартинес де Вильярреал (*A. Brezmes Martínez de Villarreal*), соуполномоченный Испании при Европейском Суде,

А. Рамос де Молинс Сайнс де Баранда (*A. Ramos de Molins Sainz de Baranda*),

М. Монтоббио (*M. Montobbio*), посол, постоянный представитель Королевства Испании в Совете Европы,

А. Антон (*A. Antón*), советник, сотрудник постоянного представительства Королевства Испании в Совете Европы, советники;

(b) со стороны заявителниц:

Х.А. Гонсалес Эспада, консультант,

А. Ортис Лопес (*A. Ortiz López*), советник.

Европейский Суд заслушал выступления Гонсалеса Эспады, Леона Каверо и Бресмеса Мартинеса де Вильярреала, а также их ответы на вопросы судей.

9. 23 января 2019 г. Европейский Суд был уведомлен о смерти второй заявительницы. Ее супруг выразил желание продолжать разбирательство в Европейском Суде в качестве ее правопреемника и выдал Х.А. Гонсалесу Эспаде доверенность на представление его интересов.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

A. УВОЛЬНЕНИЕ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦ

10. В период, относившийся к обстоятельствам настоящего дела, все заявительницы работали в сетевом супермаркете М. в муниципалитете Сан-Селони (*Sant Celoni*), который входит в состав провинции Барселона. Первые три заявительницы работали кассирами, а четвертая и пятая заявительницы – продавцами-консультантами за прилавком.

11. Начиная с марта 2009 года директор супермаркета стал замечать расхождения между уров-

нем товарных запасов и показателями продаж. Он выявил недостачу в размере 7 780 евро в феврале, 17 971 евро в марте, 13 936 евро в апреле, 18 009 евро в мае и 24 614 евро в июне.

12. В ходе внутренней проверки, проведенной для выяснения причин недостачи, директор 15 июня 2009 г. установил в супермаркете камеры видеонаблюдения, некоторые из них были видимыми, другие – скрытыми. Видимые камеры были направлены на входы и выходы из супермаркета. Скрытые камеры были установлены на некоторой высоте и направлены в сторону касс. В угол обзора каждой скрытой камеры попадали три кассы, а также площадь перед кассами и позади касс. Стороны не уточнили общее количество касс, за которыми велось видеонаблюдение. Из предоставленных документов можно сделать вывод, что оно осуществлялось как минимум за четырьмя кассами.

13. На собрании сотрудников супермаркета уведомили об установке видимых камер в связи с подозрениями руководства о том, что имели место кражи. Ни сотрудники, ни комитет по кадрам не были проинформированы об установке скрытых камер. До этого, в 2007 году, компания предупредила Агентство по защите персональных данных Испании (далее – Агентство) о намерении установить в своих магазинах камеры видеонаблюдения. В этой связи Агентство напомнило об обязанности информирования об установке камер, предусмотренной законодательством о защите персональных данных. Знак с предупреждением об осуществлении видеонаблюдения был установлен в магазине, в котором работали заявительницы, но стороны не уточнили, где именно он был размещен, и что на нем было написано.

14. 25 июня 2009 г. руководство супермаркета уведомило представительницу профсоюза о том, что на кадрах видеозаписей, сделанных при помощи скрытых камер, выявлены случаи кражи товаров на кассах некоторыми сотрудниками магазина. Представительница профсоюза просмотрела эти видеозаписи.

15. С сотрудниками, подозреваемыми в краже, были проведены индивидуальные собеседования в период с 25 по 29 июня 2009 г. Четырнадцать сотрудников были уволены, в том числе пять заявительниц. До собеседований заявительницы и другие сотрудники встретились с представительницей профсоюза, которая рассказала им о том, что она увидела на соответствующих видеозаписях. Во время этой встречи некоторые работники признались, что совершали кражи вместе с коллегами.

16. В ходе индивидуальных собеседований, проведенных с участием директора супермаркета, законного представителя компании М. и представительницы профсоюза, соответствующие работники были уведомлены об их немедленном увольнении в связи с совершением дисциплинарного проступка. В уведомлениях об увольнении,

врученных заявительницам, указывалось, что при помощи скрытых камер видеонаблюдения было зафиксировано, как они неоднократно в период с 15 по 18 июня 2009 г. помогали покупателям и другим сотрудникам супермаркета похищать товары, а также сами совершали хищения товаров. В уведомлениях были описаны следующие обстоятельства содеянного заявительницами: первые три заявительницы, работавшие кассирами, разрешали покупателям и коллегам подходить к кассовым аппаратам и покидать магазин с неоплаченными товарами. Они сканировали товары, взятые покупателями или коллегами, затем отменяли покупки, вследствие чего товары оставались неоплаченными. Доказательства этого можно было получить в результате сравнения кассовых чеков с товарами, которые фактически были вынесены покупателями. Что касается четвертой и пятой заявительниц, то камерами было зафиксировано, как они похищали товары при помощи коллег-кассиров. По мнению работодателя, описанные обстоятельства свидетельствовали о грубом нарушении заявительницами требований добросовестности и лояльности, предъявляемых к сотрудникам в рамках трудовых отношений, и являлись основанием для немедленного прекращения трудового договора.

17. С третьей по пятую заявительницы также подписали «соглашения об урегулировании претензий» (*acuerdo transaccional*) с законным представителем компании. Под соглашениями также стояла подпись представительницы профсоюза. В соответствии с каждым из соглашений стороны подтверждали о прекращении трудового договора по инициативе работодателя и о заключении соглашения во избежание неопределенности относительно судебных разбирательств, которые могли быть инициированы в будущем. Указанные заявительницы в соглашениях признавали факт совершения ими краж товаров, описанных в уведомлениях об увольнении, и признавали юридическую силу решения работодателя о прекращении трудовых договоров с ними. Компания обязалась не подавать уголовные жалобы на сотрудников. К соглашениям прилагались расчетные листы и отказ сторон от любых претензий друг к другу, вытекающих из трудовых договоров.

18. До своего увольнения (ни на встрече с представительницей профсоюза, ни в ходе индивидуальных собеседований) заявительницы не имели возможности ознакомиться с видеозаписями, сделанными с помощью камер видеонаблюдения.

В. СУДЕБНЫЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВА, ИНИЦИИРОВАННЫЕ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦАМИ

1. Производство в суде по трудовым спорам

19. 22 июля 2009 г. первая заявительница подала на рассмотрение судьи по трудовым спорам № 1

муниципалитета Гранольерс (*Granollers*) заявление о признании ее увольнения незаконным. В тот же день другие четыре заявительницы обратились к этому же судье с аналогичными требованиями.

20. Заявительницы оспаривали, в частности, применение скрытых средств видеонаблюдения, утверждая, что это являлось посягательством на их право на защиту частной жизни. Соответственно, они требовали, чтобы видеозаписи, сделанные с использованием скрытых камер, были признаны недопустимым доказательством в рамках производства по их заявлениям.

21. Работодатель пытался прекратить производство по исковым заявлениям третьей – пятой заявительниц, представив на рассмотрение судьи соглашения об урегулировании претензий, подписанные этими заявительницами. Они требовали признать эти соглашения недействительными, утверждая, что подписали их под угрозой уголовного преследования и что их согласие являлось недействительным, поскольку было дано под принуждением в результате мошеннических действий работодателя, вступившего в сговор с представительницей профсоюза.

22. В рамках каждого производства было проведено судебное слушание, соответственно 3 декабря и 23 ноября 2009 г. Работодатель приобщил к материалам дела видеозаписи, сделанные при помощи средств видеонаблюдения.

23. 20 января 2010 г. судья по трудовым спорам отказал в удовлетворении исковых требований заявительниц, признав их увольнение законным.

24. По делам первой и второй заявительниц, которые не подписали соглашения об урегулировании претензий, судья отметил, что прежде всего требуется выяснить, могли ли видеозаписи, сделанные при помощи скрытых камер, быть признаны законным средством доказывания, учитывая, что в соответствии со статьей 11 Закона «О судебной власти» и статьей 287 Гражданского процессуального кодекса Испании любое доказательство, собранное с нарушением основных прав человека, являлось недопустимым.

25. В данном контексте судья по трудовым спорам отметил, что согласно пункту 3 статьи 20 Статута трудящихся (см. ниже § 42) работодатель вправе применять средства контроля и слежения для проверки выполнения сотрудниками своих должностных обязанностей при условии, что использование этих средств не умаляет «человеческое достоинство» и, соответственно, не нарушает основных прав человека. В этой связи судья по трудовым спорам сослался на прецедентное право Конституционного суда Испании, в частности, на его Постановление от 10 июля 2000 г. № 186/2000 по делу, касавшемуся аналогичного случая видеонаблюдения с использованием скрытых камер за работниками, подозревавшимися в совершении серьезных проступков. В указанном

Постановлении Конституционный суд Испании признал, что право работодателя осуществлять наблюдение за работниками при осуществлении своих управленческих полномочий и в целях обеспечения эффективного функционирования предприятия ограничено необходимостью соблюдения права работников на защиту их частной жизни и репутации. Конституционный суд Испании пояснил, что нижестоящий суд должен был установить равновесие между различными интересами, имеющими конституционную ценность, путем оценки соразмерности мер, принятых работодателем. В рассматриваемом Постановлении Конституционный суд Испании решил, что мера по скрытому видеонаблюдению была соразмерной и не нарушала права работника на неприкосновенность частной жизни, гарантированной статьей 18 Конституции Испании, учитывая, что, во-первых, эта мера была оправдана существованием разумных подозрений в совершении работником серьезного проступка, во-вторых, она была адекватна преследуемой цели, которая заключалась в проверке того, действительно ли этот работник совершил проступок, и в назначении ему в случае необходимости наказания, в-третьих, она являлась необходимой, поскольку видеозаписи позволили бы доказать факт совершения проступка, и, в-четвертых, она была соразмерной, поскольку наблюдение было ограничено в пространстве и во времени лишь тем, что требовалось для достижения данной цели. Кроме того, Конституционный суд Испании счел, что не имел конституционного значения вопрос о том, были ли работники или комитет по кадрам предварительно проинформированы об установке системы видеонаблюдения. Наконец, Конституционный суд Испании высказал мнение о том, что право на эффективную судебную защиту, гарантированное статьей 24 Конституции Испании, не было нарушено в результате признания сделанных подобным образом видеозаписей допустимым доказательством, тем более, что решение основывалось также на иных доказательствах.

26. Применяя принципы, выработанные Конституционным судом Испании по аналогичному делу, судья по трудовым спорам признал, что право заявителец на уважение их частной жизни не было нарушено, а видеозаписи являлись допустимым доказательством.

27. По существу дела судья по трудовым спорам отметил, что обстоятельства, описанные в уведомлениях об увольнении, подтверждались следующими доказательствами, приобщенными к материалам дела и исследованными в их совокупности: видеозаписями, свидетельскими показаниями директора супермаркета, представительницы профсоюза и других работников, которые участвовали в кражах и были уволены, а также экспертным заключением, подготовленным в рамках производства по уголовному делу, возбужденному по обстоятельству

вам настоящего дела (см. § 40 ниже), в котором эксперт сравнил изображения, сделанные при помощи камер, со списками покупок на кассовых чеках.

28. По мнению судьи по трудовым спорам, указанные обстоятельства свидетельствовали о нарушении заявительницами принципа добросовестности, которое повлекло за собой утрату доверия к ним со стороны работодателя, вследствие чего их увольнение соответствовало законодательству.

29. Судья по трудовым спорам рассмотрел доводы третьей – пятой заявительниц о недействительности их соглашений, заключенных с работодателем, в отношении урегулирования претензий. По мнению судьи по трудовым спорам, отсутствовали доказательства того, что данные заявительницы подписали соглашения под принуждением или в результате мошеннических действий работодателя. Ссылаясь на показания представительницы профсоюза, судья по трудовым спорам сделал вывод, что указанные заявительницы признали обстоятельства, описанные ею на встрече с работниками супермаркета, вследствие чего правдоподобной представлялась версия о том, что эти заявительницы подписали соглашения с целью избежать преследования. Судья по трудовым спорам добавил следующее: тот факт, что соглашения не были подписаны некоторыми работниками, находившимися в той же ситуации, что и заявительницы (например, первая и вторая), подтверждал отсутствие каких-либо угроз или принуждения. Судья по трудовым спорам также признал, что соглашения об урегулировании претензий не были незаконными, и их можно было признать разрешающими спор посредством взаимных уступок.

30. Приняв к рассмотрению соглашения об урегулировании претензий, судья по трудовым спорам удовлетворил ходатайство работодателя о прекращении производства по требованиям заявителец и, отметив, что эти три заявительницы не имели права на обращение в суд, оставил иски без рассмотрения по существу.

2. Производство в Высоком суде Каталонии

31. Заявительницы обратились с апелляционной жалобой в Высокий суд Каталонии соответственно 16 и 22 марта 2010 г. Первая заявительница в своей жалобе прямо указала на нарушение работодателем обязанности предварительного информирования, предусмотренной статьей 5 Закона «О защите персональных данных», которую, на ее взгляд, следовало принимать во внимание при оценке соразмерности меры в виде видеонаблюдения за работниками.

32. Постановлениями от 28 января и 24 февраля 2011 г. Высокий суд Каталонии оставил решения суда первой инстанции без изменения.

33. Ссылаясь на собственную судебную практику, а также на практику других судов, в том числе

Конституционного суда Испании, Постановление которого ранее уже цитировал судья по трудовым спорам, Высокий суд Каталонии признал, что в силу пункта 2 статьи 6 Закона «О защите персональных данных» для применения работодателем мер в виде видеонаблюдения за работниками на основании пункта 3 статьи 20 Статута трудящихся не требовалось получать предварительное согласие работников, но соразмерность принятых мер необходимо оценить с учетом критериев, сформулированных Конституционным судом Испании. Высокий суд Каталонии отметил, что принятая в настоящем деле мера соответствовала указанным критериям, поскольку она была оправдана существованием разумных подозрений о совершении работником серьезного проступка, была соразмерна преследуемой цели, являлась необходимой для достижения данной цели, так как более мягкие меры не позволяли достигнуть этой цели, а видеонаблюдение позволило бы доказать факт совершения проступка, было ограничено в пространстве и во времени лишь тем, что требовалось для проверки подозрений. Ссылаясь на ранее вынесенные судебные решения, Высокий суд Каталонии в постановлении по делу первой заявительницы от 28 января 2011 г. указал следующее:

«...контроль, осуществленный работодателем с использованием камер видеонаблюдения (установленных в месте, в котором свои должностные обязанности исполняла [первая заявительница], и направленных на рабочие места кассиров после выявления недостачи товаров), “в целом может быть признан надлежащим и даже достаточным способом контроля за рабочим процессом, вследствие чего следует признать, что, хотя такой контроль может повлечь за собой наступление юридической ответственности... в связи с тем, что об установке камер не были уведомлены представители работников... данный контроль не был осуществлен несоразмерным образом и не противоречил критериям адекватности, необходимости и соразмерности, что привело бы к необоснованному нарушению права на защиту репутации и посягательству на человеческое достоинство, поскольку данный контроль являлся надлежащим средством, которому трудно найти альтернативу, для доказывания потенциально возможных краж...”».

Высокий суд Каталонии отметил также, что непредоставление информации работникам и представителям работников было, несомненно, связано с тем, что «предприятие опасалось, что разглашение информации о введении видеонаблюдения не позволит достигнуть поставленной цели».

34. Не ссылаясь прямо на статью 5 Закона «О защите персональных данных», Высокий суд Каталонии отметил, что вопрос о соблюдении работодателем обязанности о предварительном уведомлении работников являлся обычным вопросом о законности, а также что непредоставление информации работникам создавало потенциальную угрозу привлечения работодателя к админист-

ративной ответственности, но не имело значения при решении вопроса о допустимости доказательства, поскольку, как и в настоящем деле, осуществление видеонаблюдения являлось обоснованной и соразмерной мерой:

«...Непредоставление информации работникам в случае необходимости может повлечь административное наказание, но не будет иметь каких-либо последствий для условий допустимости доказательств, установленных Конституционным судом Испании, поскольку в действительности речь идет об обоснованной мере (существовали ли разумные основания подозревать, что истица совершила серьезный проступок на рабочем месте), которая была адекватна цели, преследуемой компанией (проверить, действительно ли она совершила соответствующие действия, и назначить ей дисциплинарное наказание в случае необходимости); являлась необходимой (поскольку видеозаписи позволили бы доказать факт совершения проступка) и соразмерной (камеры были направлены в сторону касс и были включены лишь некоторое время, необходимое для проверки того, что речь шла не об отдельном случае и не о недоразумении, а о повторяющемся противоправном поведении)».

Используя аналогичную мотивировку, Высокий суд Каталонии пришел к такому же выводу в постановлении от 24 февраля 2011 г., вынесенном в ходе рассмотрения дел второй – пятой заявительниц.

35. Относительно третьей – пятой заявительниц Высокий суд Каталонии поддержал вывод суда по трудовым спорам о том, что соглашения об урегулировании претензий были действительны и что не было обнаружено каких-либо пороков воли при их подписании, а также он отметил, что эти соглашения были подписаны в присутствии представительницы профсоюза и сформулированы таким образом, что не оставалось сомнений в том, что работникам были известны обстоятельства дела и что они желали согласиться с прекращением их трудовых договоров.

36. Однако Высокий суд Каталонии отметил, что с процессуальной точки зрения было бы неправильно считать, как это сделал суд по трудовым спорам, что, подписав соглашения, заявительницы лишили себя права на судебное разбирательство. Высокий суд Каталонии, тем не менее, счел, что факт подписания соглашений свидетельствовал о том, что заявительницы прямо признали факты, в которых их обвиняли, а также о том, что они тем самым дали свое согласие на прекращение трудовых договоров с ними. Таким образом, Высокий суд Каталонии признал, сославшись на решения Верховного суда Испании, которые тот вынес в отношении аналогичных соглашений, заключенных между тем же работодателем и другими работниками, что соответствующие трудовые договоры были расторгнуты по взаимному согласию. По мнению судей Высокого суда Каталонии, этого было достаточно

для того, чтобы признать обстоятельства дела установленными, а прекращение трудовых договоров законным, независимо от того, были ли видеозаписи сделаны в соответствии с законом, и могли ли они быть допущены в качестве доказательств, при этом на последний вопрос суд ответил утвердительно.

37. Кроме того, в ответ на выдвинутое всеми заявительницами возражение о недостаточности доказательств, позволяющих установить обстоятельства дела, Высокий суд Каталонии отметил, что доказательствами этих обстоятельств являлись видеозаписи, свидетельские показания представительницы профсоюза, в присутствии которой несколько работников сознались в том, что они совершали кражи, и признание этих фактов, подтвержденное в соглашениях об урегулировании претензий, применительно к трем заявительницам, которые их подписали. Что касается первой заявительницы, лицо которой не появлялось в кадре видеозаписи, Высокий суд Каталонии признал, что анализ записей с камер, направленных в сторону кассы, за которой она работала, и кассовых чеков в достаточной мере доказывал ее причастность к обстоятельствам дела, которые ей вменяли.

38. Исследовав остальные доводы апелляционной жалобы, представленные заявительницами в подтверждение их требований, Высокий суд Каталонии признал, что их увольнения были законными, и оставил решения суда первой инстанции без изменения.

3. Производство в Верховном суде Испании и Конституционном суде Испании

39. Заявительницы подали кассационные жалобы, которые были объявлены неприемлемыми соответственно 5 октября 2011 г. и 7 февраля 2012 г. Наконец, заявительницы обратились в Конституционный суд Испании с жалобами в порядке процедуры ампаро (*amparo*), которые были объявлены неприемлемыми соответственно 27 июня и 18 июля 2012 г. ввиду «отсутствия нарушения основного права».

С. ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ, ВОЗБУЖДЕННОМУ В ОТНОШЕНИИ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦ

40. 31 июля 2009 г., после того, как заявительницы и другие уволенные работники подали иски о восстановлении на работе в суд по трудовым спорам, работодатель подал уголовную жалобу на 14 работников, в том числе на заявительниц. В отношении указанных лиц было возбуждено уголовное дело. 15 июля 2011 г. следственный судья признал, что проведенное расследование не позволяло установить наличие сговора подозреваемых на совершение правонарушений, а стоимость

украденных каждым подозреваемым товаров не превышала 400 евро, вследствие чего следовало переквалифицировать содеянное в простое правонарушение (*falta*). Решением от 27 сентября 2011 г. следственный судья прекратил производство по уголовному делу в связи с истечением сроков давности привлечения к ответственности за совершение данного типа правонарушений.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ИСПАНИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

A. КОНСТИТУЦИЯ ИСПАНИИ

41. Соответствующие положения Конституции Испании гласят:

«Статья 18

1. Гарантируется право на честь, частную и семейную жизнь и на собственное изображение...

4. Закон ограничивает использование компьютерных средств для того, чтобы в полной мере охранять честь, частную и семейную жизнь граждан и полное осуществление ими своих прав...

Статья 24

1. Каждый имеет право на эффективную защиту судьей и судом в осуществлении своих законных прав и интересов, и ни в коем случае не допускается отказ в такой защите.

2. Каждый имеет право... на публичное разбирательство дела, осуществляемое в установленные сроки с соблюдением всех гарантий...

Статья 33

1. Признается право на частную собственность...

Статья 38

Признается свобода предпринимательства в рамках рыночной экономики...».

B. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

42. Статут трудящихся (*Estatuto de los Trabajadores*), утвержденный Королевским указом-законом от 24 марта 1995 г. № 1/1995, в редакции, действовавшей в период, относившийся к обстоятельствам дела, предусматривал:

«Статья 5. Обязанности трудящихся

Трудящиеся имеют следующие основные обязанности:

(а) исполнять свои должностные обязанности в соответствии с принципами добросовестности и осмотрительности...

Статья 20

...2. В любых ситуациях трудящийся и работодатель при исполнении своих взаимных обязан-

ностей руководствуются требованиями добросовестности.

3. Работодатель вправе применять средства контроля и слежения, которые он считает наиболее подходящими, для проверки выполнения работником своих должностных обязанностей, при условии обеспечения при принятии соответствующего решения и применении этих средств уважения человеческого достоинства работника...».

43. Закон «О производстве по спорам, возникающим в рамках трудовых отношений», утвержденный Королевским указом от 7 апреля 1995 г. № 2/1995, в редакции, действовавшей в период, относившийся к обстоятельствам дела, в соответствующих частях устанавливал:

«Статья 90

1. Стороны могут ссылаться на любые доказательства, предусмотренные законом... за исключением случаев, когда они прямо или косвенно собраны с нарушением основных прав и свобод...

Статья 108

...2. Увольнение, основанное на любых признаках дискриминации, описанных в Конституции или законодательстве, либо осуществленное с нарушением основных прав и свобод, считается ничтожным».

**С. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ
ПОЛОЖЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

44. Статья 11 Органического закона от 1 июля 1985 г. № 6/85 «О судебной власти» гласит:

«1. Принцип добросовестности подлежит соблюдению в рамках любого разбирательства. Доказательства, прямо или косвенно собранные с нарушением основных прав и свобод, являются недопустимыми...».

**D. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, КАСАЮЩЕЕСЯ
ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ**

1. Органический закон № 15/1999

45. Органический закон № 15/1999 «О защите персональных данных» (*Ley Orgánica de protección de datos de carácter personal*) в редакции, действовавшей в период, относившийся к обстоятельствам дела, был принят 13 декабря 1999 г. в рамках имплементации Директивы № 95/46/ЕС (см. ниже § 63) и вступил в силу 14 января 2000 г. Целями Закона «О защите персональных данных» были обеспечение и защита основных прав физических лиц при обработке персональных данных, в частности, их права на защиту чести, неприкосновенности личной и семейной жизни (статья 1 Закона «О защите персональных данных»). Он применялся к сбору персональных данных, под которыми понималась любая информация, касающаяся физических лиц, личность которых установлена или

может быть установлена, и записанная на физическом носителе, который позволяет осуществлять обработку этих данных, а также охватывал условия последующего использования персональных данных в государственных и частных целях (статьи 2 и 3 Закона «О защите персональных данных»).

46. Агентство по защите персональных данных, учрежденное в соответствии с Законом «О защите персональных данных», является органом власти, который контролирует применение данного закона и в этом качестве вправе осуществлять проверки, рассматривать жалобы и назначать наказания за нарушение его положений, а именно штраф в размере до 600 000 евро (статья 35 и последующие Закона «О защите персональных данных»).

47. Положения Закона «О защите персональных данных», касающиеся информации и согласия лиц, в отношении которых осуществляется сбор персональных данных, в редакции, применявшейся в период, относившийся к обстоятельствам дела, предусматривали следующие:

«Статья 5. Право на информирование о сборе персональных данных

1. Субъекты данных, персональные данные которых запрашиваются, должны быть заранее проинформированы точным и недвусмысленным образом о нижеследующем:

(a) о существовании файлов с их персональными данными или о предстоящей обработке таких данных, целях обработки и получателях информации;

(b) является ли ответ на вопросы обязательным или добровольным;

(c) о последствиях предоставления персональных данных и возможных последствиях отказа от ответа;

(d) о наличии права доступа, права уточнять и удалять персональные данные и права на подачу возражений;

(e) о контролере обработки персональных данных, его месте жительства, либо его представителе...

4. Если персональные данные собраны без обращения к субъекту данных, контролер обработки персональных данных либо его представитель обязаны явным, точным и недвусмысленным образом проинформировать об этом субъекта данных в течение трех месяцев после записи данных, за исключением случаев, когда субъекту данных уже представлены сведения о содержании обработки, происхождении данных, а также сведения, указанные в подпунктах «a», «d» и «e» пункта 1 настоящей статьи.

5. Положения пункта 4 настоящей статьи не применяются в случаях, прямо предусмотренных законом, либо если обработка данных осуществляется в исторических, статистических или научных целях, либо если предоставление информации субъекту данных является невозможным либо требует усилий, несоизмеренных, по мнению Агентства по защите персональных данных или соответствующего регионального управления,

с учетом количества субъектов данных, актуальности персональных данных и возможных компенсационных мероприятий.

Кроме того, положения пункта 4 настоящей статьи не применяются в случае, когда персональные данные собраны из общедоступных источников и предназначены для целей рекламы или маркетинговых исследований, в этом случае в каждом сообщении, адресованном субъекту данных, должна содержаться информация о происхождении данных, контролере обработки персональных данных и правах субъекта данных.

Статья 6. Согласие субъекта данных

1. Обработка персональных данных допускается при условии получения недвусмысленного согласия субъекта данных на такую обработку, если иное не предусмотрено законом.

2. Согласие на обработку персональных данных не требуется, когда персональные данные собираются для целей осуществления государственными органами своих функций; когда эти данные относятся к сторонам договора или предварительного договора и используются в рамках деловых, трудовых или административных отношений либо необходимы для сохранения в силе или исполнения такого договора; когда обработка данных осуществляется в целях защиты жизненно важных интересов субъекта данных в соответствии с пунктом 6 статьи 7 настоящего Закона либо когда персональные данные получены из общедоступных источников и их обработка необходима для соблюдения правомерных интересов, озвученных контролером обработки персональных данных или третьим лицом, которому передаются персональные данные, за исключением случаев, когда под угрозой находятся основные права и свободы...».

48. В соответствии со статьями 13–18 Закона «О защите персональных данных» субъекты данных имели, в частности, право на доступ к данным, изменение или удаление персональных данных. Статья 19 Закона «О защите персональных данных» предусматривала право на компенсацию:

«Статья 19. Право на компенсацию

1. Лица, правам или имуществу которых в результате нарушения положений настоящего Закона контролером или процессором обработки персональных данных причинен вред, имеют право на получение компенсации...

3. Если владельцем файлов персональных данных является частная компания, иск подается в суд общей юрисдикции».

49. На основании данного положения Верховный суд Испании обязал работодателя выплатить компенсацию одному из бывших работников, уволенному двумя годами ранее, за предоставление потенциальным работодателям персональных данных, касающихся увольнения этого работника, в результате которого шансы работника найти новую работу уменьшились (Постановление от 12 ноября 2015 г. № 609/2015).

2. Инструкция № 1/2006

50. Инструкция от 8 ноября 2006 г. № 1/2006 «Об обработке персональных данных в целях наблюдения с использованием оборудования для видеонаблюдения», принятая Агентством по защите персональных данных, содержит следующие положения:

«Статья 3. Информация

Лицо, использующее оборудование для видеонаблюдения, должно выполнять все обязанности, указанные в статье 5 Органического закона № 15/1999 от 13 декабря¹, для чего данное лицо должно:

(а) размещать в зонах, находящихся под наблюдением как минимум предупреждающий информационный знак, в достаточной степени заметный... и

(б) предоставить субъектам персональных данных доступ к документу, содержащему информацию, предусмотренную статьей 5.1 Органического закона № 15/1999...

Статья 4. Принципы качества, соразмерности и целесообразности обработки персональных данных

1. В соответствии со статьей 4 Органического закона № 15/1999... изображения могут обрабатываться лишь в случае, если они уместны, относятся к делу и не избыточны по отношению к пределам видеонаблюдения, правомерным и явно выраженным целям, оправдывающим установку видеонаблюдения.

2. Установка камер... допускается лишь тогда, когда цели видеонаблюдения не могут быть достигнуты без несоизмерных усилий с помощью других средств, связанных с меньшим вмешательством в частную жизнь соответствующих лиц и в их право на защиту персональных данных.

3. ...В любом случае следует избегать обработки персональных данных, если она не является необходимой для достижения преследуемой цели».

51. На интернет-сайте Агентства по защите персональных данных приведены справочная информация о видеонаблюдении и образец предупреждающего информационного знака, содержащий сведения, требуемые в соответствии с законодательством.

3. Органический закон № 3/2018

52. Органический закон № 15/1999 утратил силу в связи с принятием 5 декабря 2018 г. нового Органического закона № 3/2018 «О защите персональных данных и обеспечении цифровых прав», который вступил в силу 7 декабря 2018 г. В статье 22 нового Органического закона прямо говорится об обработке персональных данных, собран-

¹ Так в тексте. По-видимому, имеется в виду 1999 год (примеч. редактора).

ных с использованием оборудования видеонаблюдения. В частности, в нем установлено следующее:

«4. Обязанность предоставления информации, предусмотренная статьей 12 Регламента (ЕС) 2016/679, считается исполненной, если в достаточно заметном месте размещены предупреждающий информационный знак, содержащий, по крайней мере, информацию о том, что ведется видеонаблюдение, и сведения об ответственном лице, а также о возможности осуществления прав, предусмотренных статьями 15–22 Регламента (ЕС) 2016/679...».

53. Относительно видеонаблюдения на рабочем месте пункт 1 статьи 89 нового Органического закона предусматривает:

«1. Работодатели могут обрабатывать изображения, полученные с использованием оборудования видеонаблюдения при осуществлении наблюдения за работниками или должностными лицами в порядке, предусмотренном пунктом 3 статьи 20 Статута трудящихся... при условии, что данная возможность реализуется с соблюдением требований законодательства и в установленных им пределах. Работодатели должны заблаговременно информировать работников или должностных лиц о введении таких мер в явно выраженной, четкой и краткой форме.

В случае, когда камеры видеонаблюдения засняли работников или должностных лиц в момент совершения ими явного противоправного деяния, обязанность предоставления информации считается исполненной, если реализован, по крайней мере, механизм, предусмотренный статьей 22.4 настоящего Закона».

Е. ПРЕЦЕДЕНТНАЯ ПРАКТИКА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА ИСПАНИИ

54. 10 июля 2000 г. Конституционный суд Испании вынес руководящее Постановление по вопросу законности видеонаблюдения на рабочем месте в свете защиты, гарантированной пунктом 1 статьи 18 Конституции Испании (Постановление № 186/2000). В данном деле работодатель установил систему скрытого видеонаблюдения в магазинах под потолок отделов по продаже одежды и обуви, направив камеры в сторону трех касс и стойки приема посетителей. Конституционный суд Испании постановил, что подобная мера должна удовлетворять трем критериям, чтобы ее можно было признать допустимой: она должна преследовать правомерную цель (критерий адекватности), быть необходимой (критерий необходимости) и соразмерной (критерий строгой соразмерности). Иными словами, суды должны определять, был ли установлен справедливый баланс между вмешательством в реализацию основного права и важностью преследуемой правомерной цели. В отношении видеонаблюдения Конституционный суд Испании в указанном постановлении отметил следующее:

«В настоящем деле скрытое видеонаблюдение... являлось оправданной мерой (поскольку имелись разумные основания подозревать, что работник совершил проступок на рабочем месте), соответствующей цели, которую поставила перед собой компания (убедиться в том, что работник действительно совершил проступок, и в этом случае к нему следовало применить дисциплинарное наказание), необходимой (видеозаписи предполагалось использовать в качестве доказательства совершения проступка) и соразмерной (камеры были направлены лишь в направлении касс и в течение ограниченного времени)... Следовательно, отсутствовало вмешательство в право на [уважение] частной жизни, гарантированное статьей 18.1 Конституции Испании».

55. Что касается предполагаемого нарушения обязательства по предоставлению информации работникам и представителям комитета по кадрам, Конституционный суд Испании отметил, что был затронут обычный вопрос о законности, который не имел отношения к конституционной защите основных прав. Однако обстоятельства дела относились к периоду, предшествовавшему вступлению в силу Закона «О защите персональных данных» в январе 2000 года, и в то время в законодательстве не предусматривалась обязанность по предоставлению информации, сравнимой с обязанностью, позднее закрепленной в пункте 1 статьи 5 этого закона.

56. В ранее вынесенном Постановлении от 10 апреля 2000 г. № 98/2000 Конституционный суд Испании применил аналогичный критерий соразмерности и признал, что оборудование для видео- и аудиозаписи, установленное в зоне кассы и на игровом столе в казино в качестве дополнения к существующей системе безопасности, являлось непропорциональной мерой, учитывая серьезность посягательства на право работников и клиентов на уважение их частной жизни. Конституционный суд Испании отметил, что работодатель не смог сформулировать причины, обосновывавшие необходимость записывания звука, крайне интрузивной меры по отношению к праву на неприкосновенность частной жизни соответствующих лиц.

57. Позднее в Постановлении от 11 февраля 2013 г. № 29/2013, касавшемся Закона «О защите персональных данных», Конституционный суд Испании признал, что в случае установки системы видеонаблюдения на постоянной основе изначально в качестве меры безопасности, принятой в целях контроля за деятельностью работников, требовалось предварительно уведомлять работников и их представителей о введении данной меры, и неисполнение данной обязанности вело к нарушению пункта 4 статьи 18 Конституции Испании. В данном деле один сотрудник Севильского университета был временно отстранен от исполнения должностных обязанностей без выплаты компенсации по причине необоснованных опозданий и отсутствия на рабочем месте, выявленных с исполь-

зованием систем видеонаблюдения, установленных с согласия администрации университета. Конституционный суд Испании постановил:

«7. ...Наконец, не следует забывать о том, что [Конституционный суд ранее] последовательно и неизменно признавал, что объем полномочий работодателя ограничен основными правами (см., в частности, STC от 10 апреля 2000 г. № 98/2000, правовое основание № 7, или STC от 18 декабря 2000 г. № 308/2000, правовое основание № 4). Следовательно, точно так же, как “общественных интересов”, преследуемых при назначении наказания за совершение административного правонарушения, недостаточно для того, чтобы государство могло лишать гражданина прав, предусмотренных [пунктами 1 и 2 статьи 5 Закона “О защите персональных данных”] (STC от 30 ноября 2000 г. № 292/2000, правовое основание № 18), “частные интересы” работодателя не могут служить оправданием для использования персональных данных работника ему во вред, без уведомления его предварительно о принятых мерах по наблюдению за ним. В сфере трудовых отношений отсутствуют причины... для ограничения права на получение информации, являющегося основным правом, защищаемым в соответствии с пунктом 4 статьи 18 Конституции Испании. Соответственно, недостаточно, чтобы сама обработка персональных данных была правомерной, как предусмотренная законом (пунктом 2 статьи 6 Закона “О защите персональных данных” или статьей 10 Статута трудящихся), или оказалась в конкретном случае соразмерной преследуемой цели. При осуществлении наблюдения работодатель должен также по возможности обеспечить требуемое предварительное информирование.

8. В настоящем деле камеры видеонаблюдения, установленные на территории университетского городка, записывали изображение заявителя и позволяли [работодателю] проверять соблюдение заявителем режима рабочего времени... Собственником камер был Севильский университет, и именно данное учреждение использовало видеозаписи, то есть являлось лицом, ответственным за обработку персональных данных заявителя без его предварительного уведомления об использовании камер для наблюдения за его работой. Эта ситуация являлась нарушением пункта 4 статьи 18 Конституции Испании.

На данный вывод не влиял факт размещения предупреждающих знаков, информирующих о ведении видеонаблюдения на территории университетского городка, равно как и факт уведомления Агентства по защите персональных данных о создании системы видеонаблюдения. Кроме того, работники должны были быть заранее проинформированы явным, ясным и недвусмысленным образом о том, что данная система могла использоваться для наблюдения за их работой. Вместе с тем предоставляемая информация должна содержать описание характеристик и пределов обработки данных, то есть определять, в какой ситуации в течение какого времени и с какой целью изображения могли быть изучены, а также прямо предупреждать о возможности применения дисциплинарных санкций к работникам, нарушающим положения трудового договора».

58. В Постановлении, вынесенном 3 марта 2016 г. № 39/2016, Конституционный суд Испании уточнил свою практику по вопросу об использовании скрытых камер видеонаблюдения. В данном деле менеджер магазина одежды выявил ряд краж из кассы, в совершении которых он подозревал одну из сотрудниц магазина. Менеджер временно установил скрытые камеры, направив их в сторону кассы. Он разместил уведомление, в котором в общих выражениях сообщалось о ведении видео-наблюдения и содержались сведения, указанные в статье 5 Закона «О защите персональных данных», как того требовала статья 3 Инструкции № 1/2006, опубликованной Агентством по защите персональных данных. Конституционный суд Испании объяснил важность соблюдения обязанности по предоставлению информации, предусмотренной в статье 5 Закона «О защите персональных данных», следующим образом:

«4. ...как мы подчеркивали, хотя не требуется явно выраженное согласие работника для осуществления наблюдения, предполагающего обработку [персональных] данных, сохраняется обязанность по предоставлению информации, предусмотренная статьей 5 Закона “О защите персональных данных”. Не исключая возможные юридические санкции, которые может повлечь за собой несоблюдение работодателем указанной обязанности, для того, чтобы можно было говорить о нарушении пункт 4 статьи 18 Конституции Испании, необходимо выяснить, был ли соблюден принцип соразмерности. Право на защиту персональных данных должно сопоставляться с любыми ограничениями, которые могут быть оправданы с учетом должностных обязанностей работника и соответствующих полномочий по осуществлению наблюдения и контроля, предоставленных работодателю на основании пункта 3 статьи 20 Статута трудящихся, в отношении статей 33 и 38 Конституции Испании. Оценка конституционного значения отсутствия или недостаточности информации по делам, касающимся видеонаблюдения на рабочем месте, требует сопоставления в каждом отдельном случае конкурирующих конституционных прав и ценностей: с одной стороны, права работников на защиту персональных данных, а с другой стороны, управленческих полномочий работодателя, которые, сколь бы важными они не были для надлежащего функционирования эффективной организации, отражают конституционные права, признанные в статьях 33 и 38 Конституции Испании и установленные пунктом 3 статьи 20 Статута трудящихся, который прямо наделяет работодателя правом принимать меры по надзору и наблюдению для проверки исполнения работниками должностных обязанностей... Данное общее полномочие по осуществлению контроля, предусмотренное законом, регламентирует осуществляемое работодателем наблюдение за исполнением работниками своих служебных функций (см. ...Постановление Европейского Суда по делу “Бэрбулеску против Румынии” (Bărbulescu v. Romania) от 6 [sic¹] января 2016 г.), не предвещающая при этом конкретных обстоятельств каждого

¹ Так в тексте. Точнее: от 12 января 2016 г. (примеч. редактора).

дела, исходя из которых будет определено, повлекло ли осуществление работодателем наблюдения нарушение основного права.

Очевидно, что для того, чтобы выяснить, был ли соблюден критерий соразмерности, когда информация не была предоставлена или была предоставлена в недостаточном объеме, прежде всего необходимо в каждом случае определить, действительно ли была нарушена обязанность по предоставлению информации».

59. В настоящем деле Конституционный суд Испании пришел к выводу об отсутствии нарушения пункта 4 статьи 18 Конституции Испании, в частности, в связи с тем, что работодатель разместил предупреждающий знак, указывавший на ведение видеонаблюдения, в соответствии с законодательством. На знаке содержалась достаточная информация о факте ведения видеонаблюдения и целях обработки персональных данных. Исследовав соразмерность вмешательства в частную жизнь работника в свете критериев, указанных выше по тексту (см. выше § 54), Конституционный суд Испании заключил, что право на личную и семейную тайну, гарантированное пунктом 1 статьи 18 Конституции Испании, не было нарушено.

III. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЕВРОПЕЙСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

A. ДОКУМЕНТЫ СОВЕТА ЕВРОПЫ

1. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных

60. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (ETS № 108) была ратифицирована властями Испании 31 января 1984 г. и вступила в силу в отношении данной страны 1 октября 1985 г. В соответствии со статьей 1 этой Конвенции ее цель состоит в обеспечении на территории Договаривающейся Стороны для каждого физического лица, независимо от его гражданства или местожительства, уважения его прав и основных свобод, и, в частности, его права на неприкосновенность частной жизни, в отношении автоматизированной обработки касающихся его персональных данных. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных предусматривает, в частности, следующее:

«Статья 5. Качество данных

Персональные данные, подвергающиеся автоматизированной обработке:

- а) собираются и обрабатываются на справедливой и законной основе;
- б) хранятся для определенных и законных целей и не используются иным образом, несовместимым с этими целями;

с) являются адекватными, относящимися к делу и не чрезмерными для целей их хранения;

д) являются точными и, когда это необходимо, обновляются;

е) сохраняются в форме, позволяющей идентифицировать субъекты данных, не дольше, чем это требуется для целей хранения этих данных...

Статья 8. Дополнительные гарантии для субъекта данных

Любому лицу должна быть предоставлена возможность:

а) знать о существовании автоматизированного файла персональных данных, знать его основные цели, а также название и место обычного проживания или местонахождение контролера файла;

б) получить через разумный промежуток времени и без чрезмерной задержки или чрезмерных расходов подтверждение того, хранятся ли касающиеся его персональные данные в автоматизированном файле данных, а также получить такие данные в доступной для понимания форме;

с) добиваться в случае необходимости исправления или уничтожения таких данных, если они подвергались обработке в нарушение норм внутреннего законодательства, воплощающего основополагающие принципы, изложенные в статьях 5 и 6 настоящей Конвенции;

д) прибегать к средствам правовой защиты в случае невыполнения просьбы о подтверждении или в случае необходимости предоставления данных, их изменении или уничтожении, как это предусмотрено в пунктах "b" и "c" настоящей статьи».

2. Венецианская комиссия

61. В 2007 году Венецианская комиссия, консультативный орган Совета Европы по конституционным вопросам, на своей 71-й пленарной сессии (Венеция, 1–2 июня 2007 г., CDL AD(2007)027) подготовила «Заключение об осуществлении видеонаблюдения частными операторами в публичной и частной сферах и органами государственной власти – в частной сфере, и защите прав человека», в соответствующих частях которого говорилось следующее:

«18. В целях настоящего исследования в личную сферу жизни включаются также рабочие места и ведение видеонаблюдения в помещениях, в которых расположены рабочие места, и это порождает юридические вопросы относительно прав работников на неприкосновенность частной жизни...

52. В отношении рабочих мест введение видеонаблюдения должно осуществляться при соблюдении права работников на неприкосновенность частной жизни.

53. В таких случаях видеонаблюдение, как правило, допускается в целях предупреждения и обнаружения злоупотреблений или краж со стороны работников при наличии обоснованных подозрений. Однако не допускается видеозапись

(за исключением случаев, когда этого требуют исключительные обстоятельства) в таких местах, как туалетные комнаты, душевые, гардеробные, зоны для курения и комнаты отдыха, в которых человек может быть уверен в том, что его право на неприкосновенность частной жизни будет соблюдаться в полной мере.

54. Кроме того, тайное видеонаблюдение должно допускаться лишь на временной основе, если оно будет признано необходимым ввиду отсутствия альтернативных вариантов...

57. В отношении магазинов, то видеонаблюдение в них с использованием камер допускается для защиты имущества, если такая мера оказывается необходимой и соразмерной. Также обоснованным видеонаблюдение может быть в некоторых зонах магазина для предупреждения и пресечения краж, но опять же лишь в случае, когда такая мера оказывается необходимой.

58. Во внутригосударственном законодательстве должна быть четко определена правовая основа для осуществления видеонаблюдения и описаны случаи, когда такое вмешательство является необходимым с учетом охраняемых интересов...

IV. ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

...99. Соответственно, Венецианская комиссия повторяет рекомендации, изложенные в ее предыдущем исследовании:

– при осуществлении видеонаблюдения исходя из требований безопасности и охраны либо в целях предупреждения и пресечения преступлений требуется соблюдать положения статьи 8 Конвенции;

– в части, касающейся защиты лица в процессе сбора и обработки персональных данных, нормативные правовые акты должны по меньшей мере следовать требованиям, изложенным в Директиве № 95/46/ЕС, особенно в ее статьях 6 и 7, которые воспроизводят статью 5 Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных.

100. Кроме того, Венецианская комиссия рекомендует, учитывая особенности видеонаблюдения, реализовывать на систематической основе следующие мероприятия:

...уведомлять наблюдаемых лиц о ведении видеонаблюдения, если наличие системы видеонаблюдения не является очевидным. Это означает, что в каждом конкретном случае из ситуации должно следовать, что наблюдаемое лицо осознает факт ведения видеонаблюдения или однозначно дало согласие на видеонаблюдение».

3. Комитет министров Совета Европы

62. 1 апреля 2015 г. Комитет министров Совета Европы принял на 1224-м заседании заместителей министров Рекомендацию № CM/Rec(2015)5 «Об обработке персональных данных в контексте занятости», которая в соответствующих частях гласит:

«10. Прозрачность обработки данных

10.1. Информация, касающаяся персональных данных, которыми владеют работодатели, должна быть предоставлена заинтересованному работни-

ку напрямую либо через его или ее представителей, либо доведена до его или ее сведения с помощью иных соответствующих средств.

10.2. Работодатели должны предоставлять работникам информацию о:

– категориях персональных данных, подлежащих обработке, и об описании целей обработки;

– получателях или категориях получателей персональных данных;

– средствах, используемых работниками для осуществления прав, изложенных в принципе 11 настоящей Рекомендации, без ущерба для более благоприятных норм, которые предусмотрены внутригосударственным законодательством или их правовой системой;

– любой иной информации, необходимой для обеспечения корректной и законной обработки данных...

15. Информационные системы и технологии контроля за работниками, в том числе видеонаблюдение

15.1. Ввод в эксплуатацию и использование информационных систем и технологий исключительно в целях контроля за деятельностью и поведением работников не разрешается. В случаях, если ввод в эксплуатацию и использование указанных систем необходимы в других законных целях, таких как защита производства, здоровья и безопасности или для обеспечения эффективного функционирования организации, и имеют косвенным следствием возможность мониторинга деятельности работников, они могут применяться только при условии соблюдения дополнительных гарантий, установленных в принципе 21 настоящей Рекомендации, в частности, консультаций с представителями работников.

15.2. Информационные системы и технологии, которые опосредованно контролируют деятельность и поведение работников, должны быть специально разработаны и расположены таким образом, чтобы не нарушать основных прав работников. Использование видеонаблюдения в целях контроля за местом нахождения, а является исключительно частью личной жизни работников, не разрешается ни при каких ситуациях...

21. Дополнительные гарантии

В отношении всех конкретных форм обработки, установленных в Части II настоящей Рекомендации, работодатели должны обеспечить соблюдение следующих гарантий:

а) уведомить работников до введения в действие информационных систем и технологий, предполагающих возможность контроля за их деятельностью. Предоставленная информация должна обновляться и учитывать положения принципа 10 настоящей Рекомендации. Информация должна включать в себя цели функционирования, срок сохранения и резервного копирования, а также наличие или отсутствие права доступа и внесения изменений, а также механизм реализации указанных прав;

б) принимать соответствующие внутренние меры, касающиеся обработки указанных данных и заблаговременно уведомлять о них работников;

с) консультироваться с представителями работников в соответствии с внутринациональным законодательством до введения в эксплуатацию любых систем мониторинга или в обстоятельствах, когда указанный мониторинг может измениться. Если консультационные процедуры выявляют возможность нарушения прав работника на неприкосновенность частной жизни и человеческого достоинства, должно быть получено согласие представителей работников;

d) консультироваться в соответствии с национальным законодательством с национальным наблюдательным органом об обработке персональных данных».

В. ДОКУМЕНТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

1. Директива № 95/46/ЕС

63. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского союза от 24 октября 1995 г. № 95/46/ЕС «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных» в соответствующих частях предусматривает:

«Статья 6

1. Государства – члены ЕС предусматривают, что персональные данные должны:

- (a) обрабатываться справедливо и законно;
- (b) собираться для конкретных, явно выраженных и законных целей и не обрабатываться в дальнейшем способом, несовместимым с данными целями. Дальнейшая обработка данных для исторических, статистических и научных целей не считается несовместимой при условии, что государства – члены ЕС предоставляют надлежащие гарантии;
- (c) быть достаточными, релевантными и не избыточными по отношению к целям, для которых они собираются и/или обрабатываются в дальнейшем;
- (d) быть точными и при необходимости актуализированными; требуется предпринимать все возможные шаги, чтобы гарантировать, что неточные или неполные данные по отношению к целям, для которых они были собраны или в дальнейшем обработаны, будут стерты или исправлены;
- (e) храниться в форме, позволяющей проводить идентификацию субъектов данных не дольше, чем это необходимо для целей, с которыми они были собраны или в дальнейшем обработаны. Государства – члены ЕС устанавливают надлежащие гарантии для персональных данных, хранящихся в течение более долгих сроков для исторических, статистических или научных целей...

Статья 7

Государства – члены ЕС предусматривают, что персональные данные могут обрабатываться, только если:

- (a) субъект данных однозначно дал свое согласие, или

(b) обработка необходима для исполнения договора, стороной которого является субъект данных, или в целях принятия мер по просьбе субъекта данных до заключения договора, или

(c) обработка необходима для соблюдения юридического обязательства, субъектом которого является оператор, или

(d) обработка необходима в целях защиты жизненно важных интересов субъекта данных, или

(e) обработка необходима для выполнения задачи, осуществляемой в общественном интересе, или при исполнении официальных полномочий, возложенных на оператора или третье лицо, которому раскрываются данные...

Статья 10. Информация в случаях получения данных от субъекта данных

Государства – члены ЕС предусматривают, что оператор или его представитель должен предоставить субъекту данных, от которого получают относящиеся к нему данные, по меньшей мере, следующую информацию, кроме случаев, когда она у него уже имеется:

(a) наименование оператора и его представителя, если таковой имеется;

(b) цели обработки, для которых предназначены данные;

(c) любую другую информацию, такую как:

– получатели или категории получателей данных...

– существование права доступа и права исправлять относящиеся к нему данные...

Статья 11. Информация в случаях, когда данные не были получены от субъекта данных

1. Когда данные не были получены от субъекта данных, государства – члены ЕС предусматривают, что оператор или его представитель должен при проведении записи персональных данных или, если предвидится их раскрытие третьему лицу, не позже чем при первом раскрытии данных предоставить субъекту данных, по меньшей мере, следующую информацию, кроме случаев, когда она у него уже имеется:

(a) личность оператора и его представителя, если таковой имеется;

(b) цели обработки;

(c) любую другую информацию, такую как:

– категории данных,

– получатели или категории получателей,

– существование права доступа и права исправлять относящиеся к нему данные,

насколько такая дополнительная информация необходима, с учетом конкретных обстоятельств, в которых обрабатываются данные, чтобы гарантировать их справедливую обработку в отношении субъекта данных...

Статья 13. Исключения и ограничения

1. Государства – члены ЕС могут принимать законодательные меры, ограничивающие сферу при-

менения обязательств и прав, предусмотренных статьями 6(1), 10, 11(1), 12 и 21, когда такое ограничение образует необходимые меры для обеспечения:

- (a) национальной безопасности;
- (b) обороны;
- (c) общественной безопасности;
- (d) предотвращения, расследования, раскрытия и преследования уголовных преступлений или нарушений этики в регулируемых профессиях;
- (e) важного экономического или финансового интереса государства – члена ЕС или Европейского союза, включая валютные, бюджетные и налоговые вопросы;
- (f) функции по наблюдению, проверке или регламентированию, связанной, даже изредка, с исполнением официальных полномочий в случаях, указанных в пунктах (c), (d) и (e);
- (g) защиты субъекта данных или прав и свобод других лиц...

Статья 22. Средства защиты прав

Без ущерба для какого-либо административного средства правовой защиты, которое может предусматриваться до обращения в судебный орган, указанный в статье 28, *inter alia*, государства – члены ЕС предусматривают право любого лица на судебную защиту от любого нарушения прав, гарантированных ему национальным законодательством, применимым к осуществляемой обработке.

Статья 23. Ответственность

1. Государства – члены ЕС предусматривают, что любое лицо, которое понесло ущерб в результате неправомерной операции по обработке или какого-либо действия, несовместимого с национальными нормами, принятыми в соответствии с настоящей Директивой, имеет право получить компенсацию от оператора за понесенный ущерб...».

2. Рабочая группа по защите физических лиц при обработке персональных данных

64. Рабочая группа по защите физических лиц при обработке персональных данных (далее – рабочая группа) была создана на основании статьи 29 Директивы № 95/46/ЕС в целях обеспечения единообразной имплементации положений указанной директивы. Рабочая группа имеет совещательный статус в рамках Европейского союза и действует независимо. В сентябре 2001 года рабочая группа подготовила заключение по вопросу обработки персональных данных в контексте трудовых отношений (Заключение № 8/2001), в котором изложены основные принципы защиты персональных данных: целенаправленность, прозрачность, законность, соразмерность, точность, безопасность, информирование работников. Относительно наблюдения за работниками рабочая группа рекомендовала следующее:

«Любой мониторинг, если он осуществляется на основании пункта (f) статьи 7 Директивы № 95/46/ЕС и если он в любом случае соответствует статье 6, должен представлять собой пропорциональную реакцию работодателя на риски, с которыми он сталкивается, и учитывать необходимость защиты, соответствующей закону, и другие интересы работников.

Любые персональные данные, удерживаемые или использованные в ходе мониторинга, должны быть адекватными, относящимися к делу и не избыточными в отношении целей, для которых осуществляется мониторинг. Любой мониторинг должен по возможности осуществляться наименее интрузивным способом, будучи направленным на зоны риска, с учетом правил защиты персональных данных и в случае необходимости принципа тайны переписки.

Мониторинг, в том числе видеонаблюдение, должен осуществляться с соблюдением требований прозрачности, установленных в статье 10. Работникам должна быть предоставлена информация о ведении видеонаблюдения, о целях обработки персональных данных и иная информация, необходимая для обеспечения справедливой обработки персональных данных. В Директиве не смягчаются требования к мониторингу за использованием работником Интернета и электронной почты, если наблюдение осуществляется с использованием видеооборудования, установленного в офисе».

65. В другом заключении, от 11 февраля 2004 г., касающемся обработки персональных данных с использованием видеонаблюдения (Заключение № 4/2004), рабочая группа напомнила, что Директива № 95/46/ЕС применяется к видеонаблюдению, и принцип соразмерности должен соблюдаться как на этапе введения видеонаблюдения, так и в процессе обработки персональных данных, собранных в ходе видеонаблюдения. В отношении видеонаблюдения по месту осуществления трудовой деятельности рабочая группа отметила следующее:

«Помимо доводов, изложенных в вышеуказанных документах, в той степени, в которой они могут быть применены к видеонаблюдению, следует подчеркнуть, что системы видеонаблюдения, непосредственной целью которых является удаленный контроль за качеством и объемом трудовой деятельности и которые, соответственно, влекут за собой обработку персональных данных, по общему правилу не должны допускаться.

В то же время при обеспечении надлежащих гарантий могут допускаться системы видеонаблюдения, установленные исходя из требований производства или для обеспечения безопасности труда, несмотря на то, что их установка косвенно ведет к удаленному контролю.

Опыт использования систем видеонаблюдения продемонстрировал, что наблюдение не должно осуществляться в помещениях, выделенных работникам и не предназначенных для трудовой деятельности (туалетные комнаты, душевые, гардеробные, зоны для курения и комнаты отдыха), что изображения, собранные исключительно для

целей защиты имущества и/или обнаружения, предупреждения и пресечения серьезных правонарушений, не должны использоваться для возложения на работника ответственности за незначительные дисциплинарные проступки, что работникам гарантируется право на подачу возражений с использованием собранных изображений.

Информация о ведении видеонаблюдения должна быть предоставлена работникам и каждому лицу, работающему в соответствующем помещении. Данная информация должна включать сведения о личности контролера, цели видеонаблюдения и иные сведения, необходимые для обеспечения справедливой обработки данных, касающихся субъекта данных, например, сведения о том, в каких случаях видеозаписи будут изучаться руководителями субъекта данных, как долго будет осуществляться видеозапись и когда видеозапись будет передана в правоохранительные органы. Предоставление информации при помощи, например, символа, не может быть признано достаточным в контексте трудовых отношений».

3. Общий Регламент о защите персональных данных

66. Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза от 27 апреля 2016 г. № 2016/679 «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы № 95/46/ЕС» применяется начиная с 25 мая 2018 г. В нем воспроизводится большая часть положений Директивы № 95/46/ЕС и усиливаются некоторые гарантии, предусмотренные указанной директивой.

IV. МАТЕРИАЛЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

67. В соответствии с материалами, имеющимися в распоряжении Европейского Суда, на основании исследования законодательства 42 государств – членов Совета Европы можно сделать следующие выводы.

68. В 28 государствах – членах Европейского союза действует законодательство, имплементирующее положения Директивы № 95/46/ЕС. При этом в 21 государстве-члене приняты специальные нормативные правовые акты, регламентирующие порядок осуществления видеонаблюдения на рабочем месте. В большинстве государств, в которых действуют такие нормативные правовые акты, скрытое видеонаблюдение запрещается. В некоторых государствах (в Федеративной Республике Германия, Соединенном Королевстве) скрытое видеонаблюдение допускается при наличии подозрений в совершении преступлений или тяжких правонарушений.

69. Среди государств, не являющихся членами Европейского союза, в семи странах приняты специальные нормативные правовые акты, регламентирующие порядок осуществления видеонаблюдения

на рабочем месте, в трех странах установлены общие положения о видеонаблюдении, а в пяти странах действует лишь общее законодательство о защите персональных данных. В государствах, в которых приняты специальные нормативные правовые акты, предусматривается требование о том, что видеонаблюдение должно преследовать правомерную цель и что работники должны быть проинформированы о видеонаблюдении. В одном государстве (в Швейцарии) предусмотрена возможность осуществления скрытого видеонаблюдения при наличии подозрений в совершении преступления.

70. Почти во всех государствах лицо, в отношении которого осуществлено видеонаблюдение, вправе обратиться в суд с требованием о компенсации причиненного вреда и/или о выдаче судебного приказа о прекращении видеонаблюдения или удалении данных, собранных в результате видеонаблюдения. В некоторых государствах может быть возбуждено уголовное дело. Во всех государствах – членах Европейского союза и в 10 государствах, не являющихся его членами, можно обратиться с жалобой в независимый орган, ответственный за защиту персональных данных, который наделен полномочиями по проведению расследований и назначению наказаний.

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

A. ВОПРОС О LOCUS STANDI

71. Европейский Суд отмечает, что вторая заявительница, А. Ганцедо Хименес (*A. Gancedo Giménez*), скончалась 25 октября 2018 г., когда дело находилось на рассмотрении в Большой Палате Европейского Суда. Ее супруг и наследник по закону Х. Лопес Мартинес (*J. López Martínez*) выразил желание продолжить разбирательство по делу в Европейском Суде.

72. Европейский Суд подчеркивает, что в ряде дел, в которых заявитель скончался в ходе конвенционного разбирательства, он принимал во внимание пожелания наследников и близких родственников относительно продолжения разбирательства по делу (см. Решение Большой Палаты Европейского Суда по делу «Малхоус против Чешской Республики» (*Malhous v. Czech Republic*), жалоба № 33071/96, *ECtHR* 2000-XII, Постановление Европейского Суда по делу «Ангелов против Болгарии» (*Angelov v. Bulgaria*) от 22 апреля 2004 г., жалоба № 44076/98, § 28, и Постановление Европейского Суда по делу «Никола против Турции» (*Nicola v. Turkey*) от 27 января 2009 г., жалоба № 18404/91, § 15).

73. В настоящем деле Европейский Суд считает, что наследник второй заявительницы был в доста-

точной степени заинтересован в продолжении разбирательства по жалобе, и, соответственно, признает за ним соответствующее право.

В. ПРЕДЕЛЫ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА В БОЛЬШОЙ ПАЛАТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

74. В своих устных замечаниях, высказанных на слушании в Большой Палате Европейского Суда, власти Испании предложили Европейскому Суду пересмотреть жалобу лишь на нарушение статьи 8 Конвенции, в отношении которой Палата Европейского Суда сделала вывод о нарушении в своем Постановлении от 9 января 2018 г., и которая касалась ходатайства властей Испании о передаче дела в Большую Палату, разрешенного коллегией Большой Палаты Европейского Суда. Власти Испании уточнили, что заявительницы не подавали ходатайства о передаче дела в Большую Палату Европейского Суда в отношении статьи 6 Конвенции, которая была признана Палатой Европейского Суда ненарушенной.

75. Заявительницы не представили замечаний по поводу ходатайства властей Испании, но, тем не менее, предложили Европейскому Суду пересмотреть вывод Палаты Европейского Суда об отсутствии нарушения.

76. Европейский Суд напоминает, что содержание и пределы «дела», переданного в его Большую Палату, ограничиваются решением Палаты Европейского Суда по вопросу о приемлемости жалобы (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «К. и Т. против Финляндии» (K. and T. v. Finland), жалоба № 25702/94, §§ 140–141, ECHR 2001-VII, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ильнзеер против Германии» (Inseher v. Germany) от 4 декабря 2018 г., жалобы №№ 10211/12 и 27505/14¹, § 100). «Дело», переданное в Большую Палату Европейского Суда, неизбежно включает в себя все аспекты жалобы, ранее объявленные Палатой Европейского Суда приемлемыми для рассмотрения по существу, а не только «серьезный вопрос», касающийся толкования или применения положений Конвенции или Протоколов к ней, или иной серьезный вопрос общего характера (пункт 2 статьи 43 Конвенции), в отношении которого подано обращение о передаче дела в Большую Палату Европейского Суда, принятое ее коллегией (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «К. и Т. против Финляндии», §§ 140–141). Соответственно, в настоящем деле Большая Палата Европейского Суда рассмотрит все жалобы на нарушения статей 6 и 8 Конвенции, которые были объявлены Палатой Европейского Суда приемлемыми для рассмотрения по существу.

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2019. № 1 (примеч. редактора).

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

77. Заявительницы утверждали, что решение работодателя об их увольнении было основано на видеозаписях, полученных с использованием видеонаблюдения в месте, где работали заявительницы, в нарушение их права на уважение частной жизни, а также что суды Испании, отказавшись отменить решение об увольнении заявительниц, не исполнили свою обязанность по защите данного права. Заявительницы ссылались на статью 8 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной... жизни...

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

А. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

78. В Постановлении от 9 января 2018 г. Палата Европейского Суда признала, что статья 8 Конвенции была применима в настоящем деле. Поскольку видеонаблюдение осуществлялось юридическим лицом частного права, Палата Европейского Суда рассмотрела жалобу в свете позитивных обязательств, которые возложены на власти государства-ответчика, и сосредоточилась на определении того, установили ли органы власти государства-ответчика справедливое равновесие между, с одной стороны, правом заявительниц на уважение частной жизни и, с другой стороны, интересами работодателя, стремившегося защитить свои права в сфере организации и управления принадлежащим ему имуществом.

79. Палата Европейского Суда отметила, что, хотя видеонаблюдение осуществлялось на основании правомерных подозрений о совершении кражи, оно имело слишком широкий охват (не было ограничено по времени, затрагивало всех сотрудников, работавших в зоне касс, и продолжалось в течение всего рабочего дня) и осуществлялось с нарушением установленной законодательством Испании обязанности о предварительном информировании лиц, в отношении которых осуществлялись сбор и обработка персональных данных, о наличии, целях и условиях применения соответствующих мер. Учитывая данные обстоятельства, Палата Европейского Суда не согласилась с мнением судов Испании о соразмерности видеонаблюдения, которое осуществлял работодатель, и призна-

ла, в частности, что права работодателя могли быть обеспечены путем информирования заявителек, пусть даже в общем порядке, об установке системы видеонаблюдения.

80. Соответственно, Палата Европейского Суда сделала вывод о том, что суды Испании не установили достаточно справедливого равновесия между правами заявителек на уважение их частной жизни и остальными затронутыми интересами, вследствие чего имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

В. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ВЛАСТЕЙ ИСПАНИИ

81. Власти Испании утверждали, что заявительницы могли обратиться в Агентство по защите персональных данных с жалобой на предполагаемое нарушение работодателем Закона «О защите персональных данных» либо подать заявление о возбуждении уголовного дела в связи с нарушением их права на уважение частной жизни. По их мнению, эти средства правовой защиты могли привести к привлечению работодателя к административной или уголовной ответственности. Власти Испании утверждали, что заявительницы не исчерпали средства правовой защиты, предусмотренные внутригосударственным законодательством.

82. Заявительницы утверждали, что Агентство по защите персональных данных являлось обычным административным органом, полномочия которого ограничивались наложением денежных штрафов в случае нарушения законодательства о защите персональных данных. Они считали, что подобная санкция в случае ее применения к их работодателю не позволила бы возместить им вред, причиненный нарушением их права на уважение частной жизни, и увольнением, основанием для которого послужило указанное нарушение. Заявительницы добавили, что обращение с жалобой в Агентство по защите персональных данных не являлось обязательным условием, предваряющим обращение в суды общей юрисдикции, которые имели все полномочия для толкования и применения Закона о защите персональных данных.

83. Европейский Суд отмечает, что власти Испании впервые выдвинули возражение о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты лишь в своих письменных замечаниях, представленных в Большую Палату Европейского Суда, и он не усматривает исключительных обстоятельств, которые оправдывали бы неисполнение властями Испании предусмотренной правилом 55 Регламента Европейского Суда обязанности выдвинуть возражение против приемлемости жалобы до вынесения Палатой решения по вопросу о приемлемости жалобы. Таким образом, Европейский Суд придерживается мнения о том, что власти Испании

лишились права выдвигать подобное возражение на данной стадии разбирательства, вследствие чего оно должно быть отклонено (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Навальню против Российской Федерации (Navalnyy v. Russia) от 15 ноября 2018 г., жалоба № 29580/12 и четыре другие жалобы¹, § 61).

84. В то же время, поскольку доводы стороны, касающиеся возражения властей Испании о приемлемости жалобы в связи с неисчерпанием внутригосударственных средств правовой защиты, имели отношение к существу жалобы заявителек на нарушение статьи 8 Конвенции, Европейский Суд рассмотрит их ниже.

С. ПРИМЕНИМОСТЬ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

1. Доводы сторон

(a) Заявительницы

85. Заявительницы утверждали, что в результате того, что в отношении них продолжительное время осуществлялось видеонаблюдение на рабочем месте в течение рабочего дня, без их ведома и без возможности избежать наблюдения, статья 8 Конвенции могла быть применима к их делу.

(b) Власти Испании

86. Власти Испании утверждали, что заявительницы работали в общественном месте, непосредственно контактируя с людьми. Власти Испании полагали, что в отсутствие консенсуса среди государств-членов по вопросу о том, относилась ли подобная ситуация к сфере действия понятия «частная жизнь», Европейский Суд также не должен расширительно толковать данное понятие. Власти Испании добавили, что защита, гарантированная статьей 8 Конвенции, не может распространяться на случаи совершения преступных деяний.

2. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

(a) Принципы, вытекающие из прецедентного права Европейского Суда

87. Европейский Суд напоминает, что «частная жизнь» – широкое понятие, которому невозможно дать исчерпывающее определение. Оно охватывает также физическую и психологическую неприкосновенность личности, поэтому оно может включать в себя многочисленные аспекты физиче-

¹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2019. № 1 (примеч. редактора).

ской и социальной самоидентификации человека (см. недавно вынесенное Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Денисов против Украины» (Denisov v. Ukraine) от 25 сентября 2018 г., жалоба № 76639/11¹, § 95). Данное понятие распространяется на различные аспекты личной идентичности, такие как имя, фотография (см. Решение Европейского Суда по делу «Шюссель против Австрии» (Schüssel v. Austria) от 21 февраля 2002 г., жалоба № 42409/98, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фон Ганновер против Германии (№ 2)» (Von Hannover v. Germany) (№ 2), жалобы №№ 40660/08 и 60641/08², § 95, ECHR 2012).

88. Было бы чрезмерно ограничительным сведение понятия «частная жизнь» к «ближнему кругу», где каждый может вести личную жизнь по своему усмотрению, и полное исключение внешнего мира из этого круга. Статья 8 Конвенции гарантирует также право вести «частную общественную жизнь», то есть возможность для человека обращаться к другим людям с целью установления и развития отношений с ними (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу Бэрбулеску против Румынии (Bărbulescu v. Romania) от 5 сентября 2017 г., жалоба № 61496/08³, § 70). Понятие «частная жизнь» может включать в себя профессиональную деятельность (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фернандес Мартинес против Испании» (Fernández Martínez v. Spain), жалоба № 56030/07, § 110, ECHR 2014 (извлечения), Решение Европейского Суда по делу «Карин Кёпке против Германии» (Karin Körke v. Germany) от 5 октября 2010 г., жалоба № 420/07⁴, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Бэрбулеску против Румынии», § 71, Постановление Европейского Суда по делу «Антович и Миркович против Черногории» (Antović and Mirković v. Montenegro) от 28 ноября 2017 г., жалоба № 70838/13, § 42, и упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Денисов против Украины», § 100) и деятельность, осуществляемая в публичном контексте (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фон Ганновер против Германии (№ 2)», § 95). Таким образом, даже в публичном контексте существует определенная сфера взаимодействия лица с другими людьми, которая может быть отнесена к сфере «частной жизни» (см. Постановление

Европейского Суда по делу «P.G. и J.H. против Соединенного Королевства» (P.G. and J.H. v. United Kingdom), жалоба № 44787/98, § 56, ECHR 2001-IX, Постановление Европейского Суда по делу «Перри против Соединенного Королевства» (Perry v. United Kingdom), жалоба № 63737/00, § 36, ECHR 2003-IX (извлечения), упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фон Ганновер против Германии (№ 2)», § 95).

89. Выработан ряд элементов, относящихся к определению того, нарушают ли мероприятия, проводимые вне жилья лица, его право на неприкосновенность частной жизни. Поскольку существуют условия, когда люди сознательно и намеренно принимают участие в мероприятиях, которые записываются или могут быть записаны либо представлены для просмотра общественности, разумные предположения лица в отношении неприкосновенности частной жизни могут быть достаточными, хотя и необязательно решающим фактором (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делам «P.G. и J.H. против Соединенного Королевства», § 57, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бэрбулеску против Румынии», § 73, и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Антович и Миркович против Черногории», § 43). По поводу наблюдения за действиями и передвижениями лица в общественном месте с использованием оборудования видеонаблюдения или средств фотографирования конвенционные органы признавали, что наблюдение за действиями и перемещениями лица в общественном месте с использованием фотографического оборудования, которое не производит запись видеoinформации, не является вмешательством в частную жизнь (см. Решение по делу «Эрбек и Ассоциация “Лига прав человека” против Бельгии» (Herbecq and the Association Ligue des Droits de l’Homme v. Belgium) от 14 января 1998 г., жалобы №№ 32200/96 и 32201/96, Decisions and Reports 92-B, p. 92, и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Перри против Соединенного Королевства», § 41). Вместе с тем о частной жизни можно вести речь, когда осуществляется систематическая или постоянная запись персональных данных, особенно изображений определенного лица (см. Постановление Европейского Суда по делу «Пек против Соединенного Королевства» (Peck v. United Kingdom), жалоба № 44647/98, §§ 58–59, ECHR 2003-I, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Перри против Соединенного Королевства», §§ 38 и 41, и Постановление Европейского Суда по делу «Вукота-Божич против Швейцарии» (Vukota-Bojić v. Switzerland) от 18 октября 2016 г., жалоба № 61838/10, §§ 55 и 59). Как отмечал Европейский Суд по данному поводу, изображение человека представляет собой одну из главных

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 11 (примеч. редактора).

² См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2019. № 10 (примеч. редактора).

³ См.: там же. 2017. № 10 (примеч. редактора).

⁴ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 7 (примеч. редактора).

характеристик личности, поскольку оно отражает уникальные особенности человека и помогает отличать его от других людей. Таким образом, право на защиту своего изображения является одной из важнейших составляющих личного развития и подразумевает право контролировать то, как это изображение используется. Хотя в большинстве случаев это право контроля предполагает возможность для человека отказаться от опубликования изображения, оно также распространяется на индивидуальное право возражать против записи, сохранения и воспроизведения изображения другим лицом (см. Постановление Европейского Суда по делу «Реклос и Давурлис против Греции» (Reklos and Davourlis v. Greece) от 15 января 2009 г., жалоба № 1234/05, § 40, Постановление Европейского Суда по делу «Де Ла Флор Кабрера против Испании» (De La Flor Cabrera v. Spain) от 27 мая 2014 г., жалоба № 10764/09, § 31).

90. При определении возможности применения статьи 8 Конвенции Европейский Суд также считает необходимым рассмотреть вопрос о том, не осуществлялось ли наблюдение целенаправленно за конкретным лицом (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Перри против Соединенного Королевства», § 40, упомянутое выше Решение Европейского Суда по делу «Карин Кёпке против Германии» и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Вукота-Божич против Швейцарии», §§ 56 и 58) и не обрабатывались, использовались или опубликовывались ли персональные данные способом или в объеме, выходящих за пределы разумных ожиданий заинтересованных лиц (см. упомянутые выше Постановления Европейского Суда по делам «Пек против Соединенного Королевства», §§ 62–63, «Перри против Соединенного Королевства», §§ 40–41, а также «Вукота-Божич против Швейцарии», § 56).

91. Конкретно по вопросу о видеонаблюдении на рабочем месте Европейский Суд ранее признавал, что скрытое видеонаблюдение за сотрудником на его рабочем месте, осуществлявшееся более 50 часов в течение двух недель без ведома работника, и использование полученных таким образом записей в рамках разбирательства в трудовых судах для обоснования ее увольнения представляли собой вмешательство в право работника на личную жизнь (см. упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Карин Кёпке против Германии»). Негласное видеонаблюдение за преподавателями в университете во время лекций в совокупности с хранением этих записей в течение месяца и правом декана просматривать их также было признано вмешательством в право заявителей на уважение их частной жизни (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Антович и Миркович против Черногории», §§ 44–45).

(b) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

92. Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле работодатель заявительниц осуществлял за ними видеонаблюдение на рабочем месте в течение 10 дней. Камеры были направлены на кассы супермаркета и зону возле касс. Таким образом, хотя за заявительницами не велось индивидуальное видеонаблюдение, стороны не оспаривали тот факт, что первые три заявительницы, работавшие за кассами, находились в объективе камер в течение всего рабочего времени, а четвертая и пятая заявительницы попадали в объектив камер, когда они проходили через зону касс.

93. В части, касающейся возможного разумного ожидания заявительниц относительно защиты и уважения их частной жизни, Европейский Суд отмечает, что их место работы, а именно супермаркет, являлось общественным местом, и ведение видеонаблюдения за тем, как осуществляется прием платежей от покупателей за приобретенные товары, не имело ни интимного, ни частного характера. Таким образом, ожидания, которые могли иметься у заявительниц относительно защиты их частной жизни, были неизбежно ограничены. Однако даже в общественных местах систематическая или постоянная запись изображений определенных лиц, а равно последующая обработка записанных подобным образом изображений могут породить вопросы, касающиеся частной жизни соответствующих лиц (см. выше § 89 и приведенные в нем примеры). Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле в законодательстве Испании содержались явные правовые нормы, которые обязывали лицо, ответственное за систему видеонаблюдения, даже если она установлена в общественном месте, предварительно уведомлять о видеонаблюдении лиц, которые могут быть им затронуты (см. выше §§ 47 и 50). Кроме того, заявительницы были проинформированы об установке работодателем камер открытого видеонаблюдения, которые были направлены в сторону входов и выходов из супермаркета. При данных обстоятельствах они могли разумно ожидать, что в других зонах супермаркета не будет осуществляться видеонаблюдение без предварительного уведомления об этом заявительниц.

94. Что касается обработки и использования видеозаписей, Европейский Суд отмечает, что они были просмотрены рядом лиц, работающих на работодателя заявительниц, до того, как заявительницы узнали об их существовании. Эти видеозаписи послужили основанием для увольнения заявительниц и были использованы в качестве доказательств в ходе производства в трудовом суде.

95. Учитывая вышеизложенное, Европейский Суд считает, что статья 8 Конвенции подлежит применению в настоящем деле.

D. СОБЛЮДЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

1. Доводы сторон

(а) Заявительницы

96. Прежде всего заявительницы подчеркивали, что единственными вопросами, подлежащими обсуждению в рамках настоящего дела, были следующие: было ли нарушено их право на уважение частной жизни в результате осуществления видеонаблюдения без их ведома, и в каком объеме работодатель в соответствии со статьей 8 Конвенции может осуществлять видеонаблюдение за работниками? По их мнению, вопрос о возможном привлечении их к уголовной ответственности уже был рассмотрен на внутригосударственном уровне и, вопреки позиции властей Испании, не являлся предметом рассмотрения в Европейском Суде.

97. Заявительницы признавали, что работодатель должен иметь возможность устанавливать системы наблюдения для защиты своего имущества, но, на их взгляд, данное право должно быть ограничено с целью защитить право работников на уважение частной жизни. Заявительницы пояснили, что в настоящем деле они и остальной персонал супермаркета на протяжении нескольких недель в течение всего рабочего времени являлись объектами видеонаблюдения без предварительного уведомления об этом. Они утверждали, что это наблюдение осуществлялось в нарушение законодательства Испании, которое предусматривало обязанность работодателя, если и не получать согласие работников, то по крайней мере предварительно информировать их об установке камер, а также об их правах, гарантированных законодательством о защите персональных данных. Они полагали, что, если бы такая информация была им предоставлена, то было бы соблюдено их право на уважение частной жизни, а также были бы учтены интересы работодателя. Заявительницы пришли к выводу, что суды Испании, отказавшись привлечь работодателя к ответственности за данное нарушение, не обеспечили им достаточную защиту, соответствующую требованиям статьи 8 Конвенции.

98. Заявительницы считали, что настоящее дело следует отличать от упомянутого выше Решения Европейского Суда по делу «Карин Кёпке против Германии» по следующим причинам. По их словам, в деле «Карин Кёпке против Германии» не было специального законодательства, регламентирующего порядок видеонаблюдения на рабочем месте, а работодатель выполнил условия, установленные в прецедентном праве государства-ответчика, а в настоящем деле работодатель заявительниц нарушил положения законодательства Испании, но суды не привлекли его к ответственности. Заявительницы добавили, что в их случае наблюдение было более масштабным, поскольку оно было

введено без ограничения во времени, продолжалось в течение всего рабочего дня и затрагивало не только подозреваемых, но и всех остальных работников.

99. Заявительницы предложили Европейскому Суду применить подход, выработанный в недавно вынесенном Большой Палатой Постановлении по делу «Бэрбулеску против Румынии», которое касалось отслеживания работодателем сообщений и интернет-трафика одного работника. По их мнению, в указанном Постановлении закреплены критерии соразмерности, которые должны быть соблюдены работодателем при вмешательстве в право работников на уважение частной жизни. Заявительницы считали, что мера, принятая их работодателем, явным образом не соответствовала этим требованиям, учитывая тот факт, что работодатель не уведомил заранее об осуществлении видеонаблюдения и правах, предусмотренных законодательством о защите персональных данных. Заявительницы добавили, что данная мера не являлась соразмерной, поскольку интересы работодателя могли быть обеспечены путем предоставления работникам информации в соответствии с требованиями законодательства.

100. Заявительницы делали вывод, что суды Испании лишили их права на защиту от посягательств работодателя на неприкосновенность их частной жизни, отказавшись признать, что видеонаблюдение с использованием скрытых камер нарушило их право на уважение частной жизни, и признав, соответственно, увольнение заявительниц соответствующим законодательству. По мнению заявительниц, вопреки утверждениям властей Испании настоящая жалоба не совпадала с жалобами на нарушение статьи 6 Конвенции.

101. Кроме того, относительно возможности обращения в Агентство по защите персональных данных заявительницы повторили свои доводы, приведенные в ответ на возражение властей Испании о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты (см. выше § 81). Заявительницы считали, что, даже если бы Агентство по защите персональных данных установило факт совершения административного правонарушения, привлечение работодателя к административной ответственности не позволило бы им в полной мере возместить вред, причиненный нарушением их права на уважение частной жизни. Что касается возможности потребовать компенсации вреда в гражданских судах общей юрисдикции, то, по словам заявительниц, этим судам неподведомственны споры, вытекающих из трудовых отношений, и судебная практика, приведенная властями Испании в качестве примера, касалась прекращения трудовых отношений двумя годами ранее и не могла быть использована в настоящем деле (см. выше § 49). По их утверждению, для них основным последствием видеонаблюдения стало

их увольнение, а споры об увольнении относятся к исключительной подсудности трудовых судов.

(b) Власти Испании

102. Власти Испании считали, что ответственность за вторжение в частную жизнь, на которое жаловались заявительницы, несло частное юридическое лицо, а не государственные органы, вследствие чего Большая Палата должна применить подход, выработанный в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фон Ганновер против Германии (№ 2)», в котором рассматривались вопросы о том, оценили ли суды государства-ответчика различные затронутые интересы, и установили ли они справедливое равновесие между ними. По мнению властей Испании, внутригосударственные суды произвели такую оценку и надлежащим образом приняли во внимание право заявительниц на уважение частной жизни.

103. Власти Испании утверждали, что, хотя было бы желательно уведомить заявительниц об установке камер наблюдения, меры, принятые работодателем, не были несоразмерными. Власти Испании отметили, что заявительницы работали в общественном месте, они были проинформированы об установке некоторых камер в связи с подозрениями в совершении кражи, а также что они осознанно совершили преступные деяния. По мнению властей Испании, настоящее дело аналогично упомянутому выше Решению Европейского Суда по делу «Карин Кёпке против Германии», и различие, проведенное Палатой Суда в ее Постановлении, являлось необоснованным. Власти Испании уточнили, что видеонаблюдение в настоящем деле продолжалось всего 10 дней, с 15 по 25 июня, когда подозреваемые в совершении правонарушений работники были вызваны на индивидуальные собеседования, а также что видеонаблюдение охватывало не всех работников, а лишь тех, которые работали в зоне касс, непосредственно взаимодействуя с покупателями. В то же время власти Испании считали, что настоящее дело следует отличать от упомянутого выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бэрбулеску против Румынии», так как в последнем деле оспариваемое вмешательство преследовало цель обеспечить соблюдение локальных актов работодателя, которые, по мнению Европейского Суда, «сводили на нет частную социальную жизнь на рабочем месте», а в настоящем деле видеонаблюдение преследовало правомерную цель пролить свет на правонарушение, жертвой которого стал супермаркет. Власти Испании добавили, что, поскольку заявительницы непосредственно взаимодействовали с покупателями, их ожидания относительно приватности частной жизни неизбежно были ниже, чем в ситуации,

когда затрагивается конфиденциальность сообщений, обмениваемых по электронной почте.

104. Кроме того, повторяя свои доводы, представленные в поддержку возражения о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты (см. выше § 81), власти Испании утверждали, что заявительницы могли обратиться в Агентство по защите персональных данных с жалобой на нарушение законодательства о защите персональных данных. По их словам, это Агентство является независимым органом, в полномочия которого входят мониторинг за применением законодательства о защите персональных данных и наложение штрафов на нарушителей, в то время как в полномочия трудовых судов, в которые фактически обратились заявительницы, входило лишь вынесение решения по вопросу о законности увольнений. С точки зрения властей Испании, не любое несоблюдение положений законодательства о защите персональных данных вело к автоматическому нарушению права на уважение частной жизни, и не следовало путать эти два понятия.

105. Власти Испании утверждали, что заявительницы также могли обратиться в суд общей юрисдикции с иском о компенсации вреда, который мог быть причинен предполагаемым нарушением законодательства о защите персональных данных. В поддержку этого довода они предоставили копию постановления Верховного суда Испании, который присудил компенсацию работнику за незаконную передачу его бывшим работодателем персональных данных (см. выше § 49).

106. Власти Испании сделали вывод о том, что государство-ответчик исполнило свои позитивные обязательства, вытекающие из статьи 8 Конвенции, и не должно нести ответственность за возможные нарушения, допущенные частным юридическим лицом, или за отказ заявительниц от обжалования нарушений в компетентные органы власти государства-ответчика.

2. Замечания третьего лица, не являющегося стороной в деле

107. Европейская конфедерация профсоюзов, которой было разрешено представить письменные замечания, выразила свою обеспокоенность тем фактом, что государства не в достаточной степени защищают частную жизнь работников на рабочем месте. Представители ЕКП подчеркнули, что защита частной жизни в целом и в рамках трудовых отношений, в частности, является относительно новым аспектом системы международной защиты прав человека, а также что возрастали риски, связанные с использованием новых технологий. По их мнению, именно этим объясняется усиление международной, в том числе европейской, системы защиты прав человека и ее развитие в направлении необходимости, независимо от того, допуска-

ется ли обработка персональных данных или нет, информирования об этом всех заинтересованных лиц.

108. Представители ЕКП подчеркнули, что в законодательстве Испании право на предоставление информации о сборе персональных данных прямо признается в пункте 1 статьи 5 Закона «О защите персональных данных». Обратив внимание на то, каким образом в нескольких европейских нормативных правовых актах (на уровне Совета Европы и Европейского союза) решается вопрос о защите частной жизни как в форме защиты персональных данных в целом, так и более конкретно в контексте видеонаблюдения на рабочем месте, представители ЕКП сделали вывод, что право лица на предварительное получение информации об обработке его персональных данных должно рассматриваться как право, вытекающее из статьи 8 Конвенции и представляющее собой процессуальную гарантию. Они добавили, что в случаях, когда не требуется предварительно информировать самих работников, существенной гарантией могут стать уведомление и консультирование с представителями работников.

3. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

(а) Позитивные обязательства государства-ответчика

109. Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле видеонаблюдение, обжалованное заявительницами, осуществлялось их работодателем, частным юридическим лицом, вследствие чего нельзя было признать данную меру «вмешательством» со стороны представителей государства в пользование правами, гарантированными Конвенцией. Однако заявительницы считали, что, подтвердив решения об их увольнении, суды Испании фактически не защитили их право на уважение частной жизни.

110. Европейский Суд напоминает, что, хотя главной целью статьи 8 Конвенции является защита лица от произвольного вмешательства в его частную жизнь со стороны органов государственной власти, данная статья не ограничивается тем, что предписывает государству воздерживаться от такого вмешательства: в дополнение к данному негативному обязательству могут существовать позитивные обязательства, неотъемлемые от эффективной защиты частной и семейной жизни. Эти обязательства могут включать принятие мер для обеспечения уважения частной жизни даже в сфере взаимоотношений частных лиц между собой (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сёдерман против Швеции» (*Söderman v. Sweden*), жалоба № 5786/08, § 78, *ECHR* 2013, упомянутое выше Постановление

Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фон Ганновер против Германии (№ 2)», § 98). Власти государства-ответчика будут нести ответственность, если обжалуемые факты обусловлены их неспособностью обеспечить использование заявителем его права, гарантированного статьей 8 Конвенции (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бэрбулеску против Румынии», § 110, Постановление Европейского Суда по делу «Шют против Германии» (*Schüth v. Germany*) от 23 сентября 2010 г., жалоба № 1620/03¹, §§ 54 и 57).

111. Таким образом, применяя подход, выработанный по аналогичным делам, Европейский Суд считает, что настоящая жалоба должна быть рассмотрена с точки зрения позитивных обязательств государств (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бэрбулеску против Румынии», § 110, упомянутое выше Решение Европейского Суда по делу «Карин Кёпке против Германии», упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Де Ла Флор Кабрера против Испании», § 32). Хотя границы между конвенционными позитивными и негативными обязательствами государства не определены достаточно четко, применимые принципы, тем не менее, похожи. В обоих случаях следует, в частности, принимать во внимание справедливый баланс, которого необходимо достичь при уравнивании конкурирующих интересов отдельного лица и сообщества в целом и на который распространяется действие предоставленной государству свободы усмотрения (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Паломо Санчес и другие против Испании» (*Palomo Sanchez and Others v. Spain*), жалоба № 28955/06 и три другие жалобы, *ECHR* 2011, § 62, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бэрбулеску против Румынии», § 112). Данные пределы усмотрения должны сопровождаться европейским надзором, который распространяется как на законодательство, так и на решения, его применяющие, пусть даже последние и были вынесены независимым судом. При выполнении своей надзорной функции Европейский Суд стремится не подменить своей оценкой мнение внутригосударственных судов, а скорее, проверить с учетом обстоятельств дела в целом, были ли решения, принятые в соответствии с их оценочными полномочиями, совместимы с оспариваемыми положениями Конвенции (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Пек против Соединенного Королевства», § 77, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фон Ганновер против Германии (№ 2)», § 98).

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 4 (примеч. редактора).

112. Выбор средств обеспечения соблюдения статьи 8 Конвенции в сфере взаимоотношений частных лиц, как правило, относится к сфере пределов усмотрения властей государства-ответчика. Существуют различные способы обеспечения уважения частной жизни, и характер обязательств властей государства-ответчика зависит от конкретного аспекта частной жизни, затронутого в деле (см. упомянутые выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Фон Ганновер против Германии (№ 2)», § 104, «Сёдерман против Швеции», § 79, по делу «Бэрбулеску против Румынии», § 113).

113. Ранее Европейский Суд признавал, что при определенных обстоятельствах исполнение позитивных обязательств, вытекающих из статьи 8 Конвенции, требует от государства принятия законодательных норм, обеспечивающих защиту соответствующего права (см. Постановление Европейского Суда по делу «X и Y против Нидерландов» (X and Y v. Netherlands) от 26 марта 1985 г., §§ 23, 24 и 27, Series A, № 91, и Постановление Европейского Суда по делу «M.C. против Болгарии» (M.C. v. Bulgaria), жалоба № 39272/98, § 150, ECHR 2003-XII, которое касалось развратных действий в отношении несовершеннолетних, и Постановление Европейского Суда по делу «Кодарча против Румынии» (Codarcea v. Romania) от 2 июня 2009 г., жалоба № 31675/04, §§ 102–104, в котором рассматривались случаи врачебной халатности). Что касается наиболее тяжких преступлений, таких как изнасилование, то данное обязательство может потребовать даже принятия уголовно-правовых норм (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «M.C. против Болгарии», § 150). Когда речь идет о менее серьезных деяниях с участием частных лиц, которые могут затрагивать права, гарантированные статьей 8 Конвенции, Европейский Суд занимает позицию, согласно которой статья 8 Конвенции оставляет за Договаривающимися Сторонами право решить, принимать или нет специальное законодательство, а Европейский Суд проверяет, чтобы существующие средства правовой защиты могли обеспечить достаточную защиту этих прав (см. по вопросу о защите физической неприкосновенности несовершеннолетнего упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сёдерман против Швеции», §§ 86–91, относительно права на защиту собственного изображения упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фон Ганновер против Германии (№ 2)», §§ 95–126, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Реклос и Давурлис против Греции», §§ 34–43).

114. Говоря конкретней о наблюдении за работниками на рабочем месте, Европейский Суд отметил, что статья 8 Конвенции оставляет на усмотре-

ние Договаривающихся Сторон принятие решения о том, необходимо ли вводить специальное законодательство, регулирующее порядок осуществления видеонаблюдения (см. упомянутое выше Решение Европейского Суда по делу «Карин Кёпке против Германии») или контроля за неслужебной корреспонденцией и иными средствами общения работников (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бэрбулеску против Румынии», § 119). Тем не менее Европейский Суд напомнил, что, несмотря на свободу усмотрения, которая предоставлена Договаривающимся Сторонам при выборе средства защиты рассматриваемых прав, внутригосударственные органы власти должны обеспечить, чтобы применение работодателем мер по контролю за корреспонденцией и иными средствами общения, затрагивающими право на уважение частной жизни или корреспонденции работников, являлось пропорциональным и сопровождалось надлежащими и достаточными гарантиями против злоупотреблений (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бэрбулеску против Румынии», § 120, упомянутое выше Решение Европейского Суда по делу «Карин Кёпке против Германии»).

115. В упоминавшемся выше деле «Бэрбулеску против Румынии» Европейский Суд выработал ряд требований, которые должны соблюдаться при осуществлении контроля за корреспонденцией и иными средствами общения работников, чтобы не было допущено нарушения статьи 8 Конвенции (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бэрбулеску против Румынии», § 121). Европейский Суд также установил в указанном Постановлении, что внутригосударственные органы власти должны обеспечивать, чтобы работник, чья переписка стала предметом контроля, имел бы доступ к средству правовой защиты в суде, имеющему полномочия определять как минимум по существу, насколько были соблюдены приведенные выше критерии и была ли обжалуемая мера законной (см. *ibid.*, § 122).

116. Европейский Суд считает, что принципы, сформулированные в упомянутом выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бэрбулеску против Румынии», в том числе ряд принципов, изложенных в упомянутом выше Решении Европейского Суда по делу «Карин Кёпке против Германии», в котором рассматривались обстоятельства, схожие с обстоятельствами настоящего дела, могут быть применены, *mutatis mutandis*, в случаях, когда работодатель осуществляет видеонаблюдение на рабочих местах. Данные критерии следует применять с учетом особенностей трудовых отношений и развития новых технологий, которые могут создавать условия для применения всё более интрузивных мер для наблюдения за частной жизнью работников.

В этом контексте суды Договаривающихся Сторон должны принимать во внимание следующие факторы при сопоставлении различных затронутых интересов в целях обеспечения соразмерности мер, связанных с видеонаблюдением на рабочем месте:

(i) был ли сотрудник уведомлен о вероятности того, что работодатель может принять меры по видеонаблюдению, а также об осуществлении таких мер. Хотя на практике работников можно уведомлять различными способами, в зависимости от фактических обстоятельств каждого дела в уведомлении обычно должен быть ясно указан характер контроля, а само уведомление направлено заранее;

(ii) степень контроля со стороны работодателя и степень вмешательства в личное пространство работника. В этом отношении следует учитывать уровень контроля в данной области, а также вопрос о том, ограничен ли контроль по времени и по количеству лиц, которые могут ознакомиться с его результатами;

(iii) указал ли работодатель законные причины для обоснования проведения мониторинга. Чем агрессивней проникновение в частную жизнь человека в результате мониторинга, тем более серьезные обоснования потребуются для его осуществления;

(iv) будет ли возможно установить систему контроля, основанную на менее агрессивных методах и мерах проникновения в частную жизнь человека. В связи с этим с учетом конкретных обстоятельств каждого дела должна проводиться оценка того, могла ли поставленная работодателем цель быть достигнута с меньшим проникновением в частную жизнь работника;

(v) последствия контроля для работника, в отношении которого он осуществляется. Следует учитывать, в частности, использование работодателем результатов контроля, и были ли они применены для достижения заявленной цели осуществленной меры;

(vi) были ли работнику обеспечены надлежащие гарантии, особенно если контроль со стороны работодателя был связан с вмешательством в личную жизнь. Данные гарантии могут быть выражены, среди прочего, в форме предоставления затронутым такими мерами работникам или представителям работников информации о введении и степени контроля, подачи заявления о применении такой меры в независимый орган власти либо обеспечения возможности обжалования.

117. Соответственно, Европейский Суд проверит, обеспечивало ли в настоящем деле законодательство Испании и, в частности, его применение трудовыми судами в ходе рассмотрения дел заявителем и сопоставления затронутых конкурирующих интересов, достаточную защиту их права на уважение их частной жизни.

(b) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

118. В настоящем деле позитивные обязательства, возложенные на власти государства-ответчика статьей 8 Конвенции, требовали от властей Испании установить справедливое равновесие между следующими конкурирующими интересами: с одной стороны, правом заявителем на уважение их частной жизни, а с другой стороны, возможностью работодателя обеспечить защиту имущества и надлежащее функционирование предприятия, в частности, путем осуществления дисциплинарных полномочий.

119. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что в период, относящийся к рассматриваемым событиям, в законодательстве Испании были предусмотрены нормы, направленные на защиту частной жизни работников в ситуациях, идентичных описанной в настоящем деле. В Законе «О защите персональных данных» и Инструкции № 1/2006, касавшейся непосредственно видеонаблюдения, был установлен ряд гарантий и условий, которые требовалось соблюдать при осуществлении видеонаблюдения и последующей обработке персональных данных. Если эти гарантии не будут обеспечены, то лицо, ответственное за обработку персональных данных, может быть привлечено к административной и гражданской ответственности (см. выше §§ 46 и 48). Пункт 3 статьи 20 Статута трудящихся ограничил право работодателя на применение средств контроля и слежения для проверки выполнения работниками своих должностных обязанностей, предусмотрев, что такие средства не должны посягать на человеческое достоинство работников. Кроме того, в соответствии с применимым процессуальным законодательством государства-ответчика суды Испании должны исключать как недопустимое любое доказательство, полученное с нарушением основных прав человека. Наконец, как следовало из практики судов общей юрисдикции и Конституционного суда Испании, любая мера, посягающая на частную жизнь работников, должна преследовать правомерную цель (критерий адекватности), быть необходимой (критерий необходимости) и соразмерной (критерий строгой соразмерности) (см. выше § 54 и последующие).

120. При данных обстоятельствах Европейский Суд считает, что в настоящем деле не оспаривается нормативная база, существующая в законодательстве Испании. В действительности заявителям не подвергали сомнению релевантность положений законодательства (см. выше § 97), а утверждали, что нарушил Конвенцию именно отказ трудовых судов надлежащим образом квалифицировать неисполнение работодателем предусмотренной законодательством Испании обязанности по предоставлению информации.

121. В связи с этим Европейский Суд изучит вопросы о том, каким образом суды Испании, в которые обратились заявительницы, рассмотрели их жалобу на нарушение права на уважение их частной жизни на рабочем месте, а также могли ли иные средства правовой защиты, предусмотренные законодательством государства-ответчика, обеспечить, как утверждали власти Испании, достаточную защиту.

122. Европейский Суд в первую очередь отмечает, что трудовые суды определили различные интересы, затронутые в настоящем деле, прямо сославшись на право заявительниц на уважение их частной жизни и на необходимость установления равновесия между этим правом и заинтересованностью работодателя в обеспечении надлежащего функционирования предприятия путем осуществления своей управленческой функции. Европейский Суд проверит, соответственно, каким образом трудовые суды приняли во внимание критерии, изложенные выше, при установлении равновесия между данными интересами.

123. Прежде всего внутрисударственные суды установили в соответствии с принципами, выработанными в прецедентной практике Конституционного суда Испании, что установка системы видеонаблюдения была осуществлена по правомерным основаниям, а именно в связи с тем, что у директора супермаркета возникли подозрения в совершении кражи после того, как магазин несколько месяцев нес ощутимые убытки. Суды также приняли во внимание правомерный интерес работодателя в принятии мер, направленных на установление и наказание лиц, по вине которых супермаркету был причинен ущерб, в целях обеспечения защиты имущества и надлежащего функционирования предприятия.

124. Далее суды государства-ответчика оценили пределы видеонаблюдения и степень вторжения в частную жизнь заявительниц и признали, что данная мера имела ограниченный характер в части, касающейся попавших под наблюдение зон и работников (камеры были направлены лишь на кассы, которые могли быть причиной убытков, а также что видеонаблюдение продолжалось не дольше, чем требовалось для подтверждения подозрений в краже). По мнению Европейского Суда, данную оценку нельзя признать неразумной. Европейский Суд отмечает, что видеонаблюдение охватывало не весь супермаркет, а лишь зону возле касс, на которых могли быть совершены кражи. Первые три заявительницы, работавшие кассирами, действительно находились под наблюдением в течение всего рабочего времени. Вследствие расстановки работников на площади предприятия заявительницы не могли избежать видеонаблюдения, которое охватывало всех сотрудников, работавших на кассах, и велось постоянно и без ограничений (см., *a contrario*, упомянутое выше

Решение Европейского Суда по делу «Карин Кёпке против Германии», которое касалось заявительницы, работавшей в магазине одновременно продавцом-консультантом и кассиром, и в ее случае видеонаблюдение охватывало ее рабочее место не целиком). В какой-то степени заявительницы находились в ограниченном пространстве (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Аллан против Соединенного Королевства» (Allan v. United Kingdom), жалоба № 48539/99, § 35, ECHR 2002-IX, и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Перри против Соединенного Королевства», §§ 39–43). Что касается четвертой и пятой заявительниц, то в объектив камер они попадали, когда подходили к кассам.

125. В то же время следует подчеркнуть, что заявительницы выполняли свои должностные обязанности в общественном месте и постоянно контактировали с покупателями. В этой связи Европейский Суд полагает, что при оценке соразмерности видеонаблюдения необходимо проводить различие между разными местами, в которых оно осуществляется, исходя из разумных ожиданий работника относительно защиты его частной жизни. Эти ожидания особенно велики в местах, интимных по своему характеру, таких как туалеты и раздевалки, в которых повышенная защита или даже полный запрет на видеонаблюдение являются оправданными (см. в этом отношении международные документы выше §§ 61 и 65). Они остаются высокими в закрытых рабочих зонах, таких как офисы. Ожидания явно ниже в местах, которые просматриваются или к которым имеют доступ коллеги или, как в настоящем деле, любой человек.

126. В части, касающейся продолжительности осуществления видеонаблюдения, Европейский Суд отмечает, что, хотя работодатель, как утверждали заявительницы, не установил заблаговременно срок видеонаблюдения, в действительности оно продолжалось 10 дней и завершилось после того, как были установлены виновные работники. Соответственно, срок видеонаблюдения сам по себе не был чрезмерным (см. для сравнения упомянутое выше Решение Европейского Суда по делу «Карин Кёпке против Германии», в котором период в 40 дней не был признан несоразмерным). Наконец, лишь директор супермаркета, законный представитель супермаркета и представительница профсоюза просматривали видеозаписи, полученные с использованием видеонаблюдения, до того, как заявительницам была предоставлена соответствующая информация. Учитывая данные факторы, Европейский Суд считает, что вмешательство в частную жизнь заявительниц не достигало высокой степени тяжести.

127. В отношении последствий видеонаблюдения для заявительниц Европейский Суд признает, что они были существенными, поскольку заявительницы были уволены на основании записей,

сделанных с использованием камер видеонаблюдения. Тем не менее Европейский Суд отмечает, так же как и суды Испании, что видеонаблюдение и видеозаписи использовались работодателем исключительно в целях установления и наказания лиц, виновных в выявленной недостатке товаров (см. для сравнения упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Пек против Соединенного Королевства», §§ 62–63, в котором кадры, сделанные с использованием камер видеонаблюдения в общественных местах, на которых была запечатлена попытка совершения заявителем суицида, были распространены в средствах массовой информации).

128. Внутригосударственные суды дополнительно признали, что при обстоятельствах настоящего дела в свете критериев, сформулированных Конституционным судом Испании, мера, принятая работодателем, являлась «необходимой» для достижения поставленной цели, поскольку более мягкие меры не позволяли достигнуть этой цели (см. выше § 33). Хотя для судов Испании было бы желательно осуществить более тщательную оценку возможности применения работодателем иных мер, которые в меньшей степени были бы связаны с вторжением в частную жизнь работников, Европейский Суд может лишь отметить, что размер убытков, выявленных работодателем, позволял предположить, что кражи были совершены несколькими лицами, вследствие чего предоставление информации любому работнику могло привести к фактической невозможности достижения целей видеонаблюдения, которые заключались, как установили суды государства-ответчика, в установлении лиц, которые могли быть причастны к кражам, а также в сборе доказательств, на основании которых можно было бы применить к этим лицам меры дисциплинарного характера.

129. Далее Европейский Суд отмечает, что законодательство Испании предусматривало ряд гарантий, направленных на предупреждение ненадлежащего вмешательства в права лиц, в отношении которых осуществлялись сбор и обработка персональных данных. Закон «О защите персональных данных» предоставлял этим лицам право на предварительное информирование в соответствии со статьей 5 данного Закона, а также право на доступ к данным и право уточнять и удалять собранные персональные данные. Требование о соразмерности сбора и использования изображений, полученных с использованием средств видеонаблюдения, было прямо закреплено в Инструкции № 1/2006, и в соответствии с прецедентной практикой Конституционного суда Испании внутригосударственные суды должны контролировать адекватность, необходимость и соразмерность подобных мер в свете основных прав, гарантированных Конституцией Испании (см. выше §§ 47, 50 и 54).

130. Наконец, что касается вопроса о том, были ли заявительницы проинформированы о ведении видеонаблюдения, Европейский Суд отмечает, что стороны не оспаривали тот факт, что в супермаркете, в котором работали заявительницы, были установлены два вида камер: камеры открытого видеонаблюдения, направленные на входы и выходы из магазина, об установке которых работодатель уведомил сотрудников, а также камеры скрытого видеонаблюдения, направленные в сторону касс, об установке которых не были проинформированы ни заявительницы, ни другие работники супермаркета. Также из замечаний сторон следовало, что как минимум один предупреждающий знак был размещен в супермаркете, информируя посетителей о ведении видеонаблюдения, но точный объем информации, указанный на знаке, Европейскому Суду сообщен не был.

131. Европейский Суд отмечает, что, хотя законодательство Испании, нормы международного и европейского права, по-видимому, не требуют получения предварительного согласия лиц, в отношении которых осуществляется видеонаблюдение или, в более общем контексте, сбор персональных данных, действующими нормами устанавливается, что, как правило, необходимо заблаговременно и в ясной форме информировать этих лиц о факте сбора персональных данных и условиях его осуществления, пусть даже в общих чертах (см. выше §§ 47, 60 и 63). Европейский Суд считает, что принцип прозрачности и вытекающее из него право на информирование имеют фундаментальный характер, особенно в сфере трудовых отношений, в рамках которых работодатель наделен в отношении работников значительными полномочиями, злоупотребления которыми следовало избегать (см. выше §§ 61–62 и 64–65). Вместе с тем Европейский Суд напоминает, что предоставление информации лицу, в отношении которого осуществляется наблюдение, и ее объем представляют собой лишь один из критериев, учитываемых при оценке соразмерности данной меры в каждом конкретном случае. Однако если лицо не проинформировано о видеонаблюдении, гарантии, вытекающие из других критериев, приобретают больший вес.

132. В настоящем деле Европейский Суд констатирует, что трудовые суды, в которые обратились заявительницы, тщательным образом сопоставили право заявительниц на уважение их частной жизни, с одной стороны, и интерес работодателя в обеспечении защиты принадлежащего ему имущества и надлежащего функционирования предприятия, с другой стороны. Европейский Суд отмечает, что критерии соразмерности, выработанные в практике Конституционного суда Испании и примененные в настоящем деле, аналогичны критериям, сформированным Европейским Судом в его собственной прецедентной практике. Таким образом, суды Испании проверили, было ли видеона-

блюдение оправдано наличием правомерной цели и являлись ли меры, принятые для достижения этой цели, адекватными и соразмерными, и решили, в частности, что правомерная цель, которую преследовал работодатель, не могла быть достигнута способами, связанными с меньшим вмешательством в права заявителек.

133. Следует отметить, что трудовые суды не учли тот факт, что работодатель, как утверждали заявительницы, не предоставил заблаговременно информацию, указанную в статье 5 Закона «О защите персональных данных», признав данный вопрос несущественным для дела и не влияющим на соразмерность (в конституционно-правовом смысле) видеонаблюдения, поскольку остальные критерии, сформулированные Конституционным судом Испании, были соблюдены. Принимая во внимание значение права на информирование в подобных ситуациях, Европейский Суд считает, что отсутствие предварительного информирования могло быть оправдано лишь всё перевешивающим требованием, относящимся к защите важных публичных или частных интересов.

134. Однако при конкретных обстоятельствах настоящего дела, учитывая, в частности, степень вмешательства в частную жизнь заявителек (см. выше §§ 125–126) и правомерные основания установки системы видеонаблюдения, Европейский Суд считает, что трудовые суды могли признать, не выходя за пределы принадлежащей властям государства-ответчика свободы усмотрения, что вмешательство в частную жизнь заявителек было соразмерным (см. для примера аналогичную ситуацию в упомянутом выше Решении Европейского Суда по делу «Карин Кёпке против Германии»). Соответственно, хотя Европейский Суд не может согласиться с тем, что в целом даже самое небольшое подозрение в том, что имело место совершение работниками хищений или иных нарушений, могло служить основанием для осуществления работодателем скрытого видеонаблюдения, в настоящем деле разумные подозрения относительно совершения тяжких правонарушений и размер убытков могут быть признаны серьезными основаниями для проведения видеонаблюдения. Эти соображения даже в большей степени применимы при наличии подозрений в том, что надлежащему функционированию предприятия угрожают не единичные действия одного работника, а согласованные действия нескольких человек, поскольку подобная ситуация порождает атмосферу общего недоверия в рабочем коллективе.

135. Кроме того, как отметили власти Испании, в распоряжении заявителек имелись иные средства правовой защиты, предусмотренные Законом «О защите персональных данных» для целей наказания случаев несоблюдения этого Закона. Заявительницы могли обратиться в Агентство по защите персональных данных с жалобой на нару-

шение работодателем обязанности по заблаговременному предоставлению информации, установленной в статье 5 указанного закона, поскольку в полномочия Агентства входило расследование предполагаемых нарушений закона и назначение штрафов лицам, ответственным за соответствующие нарушения. Заявительницы также могли обратиться в суды общей юрисдикции с заявлением о возмещении вреда, причиненного нарушением их прав, гарантированных Законом «О защите персональных данных». Европейский Суд отмечает в связи с этим, что примеры из судебной практики, на которые ссылались власти Испании (см. выше § 49), в действительности касались обстоятельств, которые не были идентичны ситуации, рассматриваемой в настоящем деле. Право на получение компенсации вреда, причиненного нарушением положений Закона «О защите персональных данных», было прямо предусмотрено в нем статьей 19, и в настоящем деле не было оснований ставить под сомнение эффективность данного средства правовой защиты.

136. Таким образом, законодательство Испании предусматривало иные средства правовой защиты, обеспечивавшие защиту персональных данных, но заявительницы решили не использовать их. Европейский Суд напоминает в связи с этим, что эффективная защита права на уважение частной жизни при осуществлении видеонаблюдения на рабочем месте может быть обеспечена различными мерами, которые могут содержаться не только в трудовом, но и в гражданском, административном и уголовном законодательствах (см., *mutatis mutandis*, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бэрбулеску против Румынии», § 116).

137. При данных обстоятельствах, учитывая значительные гарантии, предоставленные законодательством Испании, в том числе средства правовой защиты, которые не были использованы заявительницами, а также значение обстоятельств, оправдывающих осуществление видеонаблюдения, которые были приняты во внимание внутригосударственными судами, Европейский Суд делает вывод, что органы власти Испании не нарушили своих позитивных обязательств, предусмотренных статьей 8 Конвенции, и не вышли за предоставленные им пределы усмотрения. Соответственно, указанное положение Конвенции не было нарушено.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

138. Ссылаясь на статью 6 Конвенции, заявительницы жаловались на то, что видеозаписи, сделанные с нарушением их права на уважение частной жизни, были признаны допустимыми и использованы в качестве доказательств трудовыми судами.

139. Третья – пятая заявительницы также жаловались на то, что признание действительными соглашений об урегулировании претензий, которые были подписаны, по их словам, в результате мошеннических действий работодателя, нарушало их право на справедливое судебное разбирательство.

140. Статья 6 Конвенции в соответствующей части гласит:

«1. Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях... имеет право на справедливое... разбирательство дела... судом...».

А. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

141. В своем Постановлении от 9 января 2018 г. Палата Европейского Суда напомнила, что для обеспечения соблюдения статьи 6 Конвенции Европейский Суд должен проверить, было ли справедливым разбирательство в целом, в том числе порядок сбора доказательств. Признав, что заявительницы имели возможность оспорить как достоверность, так и допустимость в качестве доказательств изображений, сделанных с использованием видеонаблюдения, а также что суды основывали свои решения не только на данных доказательствах, Европейский Суд пришел к выводу об отсутствии нарушения статьи 6 Конвенции в этом отношении.

142. В части, касающейся соглашений об урегулировании претензий, Палата Европейского Суда постановила, что третья – пятая заявительницы имели множество возможностей оспорить их действительность в судах Испании, которые признали, в отсутствие проявлений произвола, что согласие заявительниц не утрачивало доказательную силу вследствие какого-либо давления со стороны работодателя. Соответственно, Палата Европейского Суда сделала вывод о том, что в этом отношении статья 6 Конвенции не была нарушена.

В. ДОВОДЫ СТОРОН

1. Заявительницы

143. Заявительницы утверждали, что суды Испании обосновывали свои решения преимущественно видеозаписями, сделанными работодателем с нарушением законодательства и противоречащими их праву на уважение частной жизни. Соответственно, по их словам, одно лишь признание видеозаписей в качестве допустимых доказательств влекло за собой нарушение статьи 6 Конвенции. Заявительницы полагали также, что как сбор данных доказательств, так и их использование в суде представляли собой злоупотребление работодателем своим доминирующим положением и нарушали принцип равенства состязательных возможностей сторон. Заявительницы подчеркивали в свя-

зи с этим, что они не знали о проведении видеонаблюдения и не имели доступа к видеозаписям до того, как они были представлены в качестве доказательств в рамках судебного разбирательства, сторонами которого они являлись. В отношении иных доказательств, в частности, свидетельских показаний, на которые ссылались суды Испании при вынесении своих решений, то они утратили свою доказательную силу вследствие того, что соответствующие лица предварительно просмотрели видеозаписи.

144. Третья – пятая заявительницы утверждали, что в ходе подписания соглашений об урегулировании претензий они были введены в заблуждение относительно объема уступок, сделанных работодателем. Они указали, что закон обязывает каждого сообщать о совершении уголовного преступления в правоохранительные органы, поэтому работодатель в соответствии с законодательством Испании был не вправе отказываться от подачи жалобы. По их мнению, при данных обстоятельствах суды должны были признать соглашения об урегулировании претензий ничтожными и исключить их из перечня доказательств. В поддержку своего довода заявительницы представили Постановление Высокого суда Каталонии от 19 октября 2010 г. по делу одной их коллеги, Д.

2. Власти Испании

145. Власти Испании согласились с выводами Палаты и предложили Большой Палате подтвердить эти выводы. Относительно использования в качестве доказательств изображений, сделанных при помощи видеонаблюдения, власти Испании подчеркнули, что они использовались лишь в качестве дополнительных доказательств, приобщенных к материалам дела, а также что заявительницы имели возможность оспорить допустимость и достоверность таких изображений в судах Испании.

146. По поводу соглашений об урегулировании претензий власти Испании отметили, что, как установили суды государства-ответчика, эти соглашения были подписаны без какого-либо давления со стороны работодателя. По их словам, именно заявительницы нарушили данные соглашения, обратившись в трудовой суд несмотря на принятое на себя обязательство, и, кроме того, жалобы заявительниц были в надлежащем порядке рассмотрены в судебном порядке. Власти Испании утверждали, что хотя суды действительно приняли во внимание признание заявительницами обстоятельств, отраженных в соглашениях об урегулировании претензий, в их распоряжении имелись и иные доказательства. Наконец, власти Испании уточнили относительно дела D., на которое ссылались заявительницы, что, хотя Высокий суд действительно отменил решение суда первой инстанции на основании того, что, по его мнению, подписанием соглашения об урегулировании претензии

работница лишила себя права на разбирательство ее дела в суде, суды, в которые дело вернулось для нового рассмотрения, в конечном счете, признали, что соглашения об урегулировании претензий всё же были действительными и могли быть использованы как доказательство признания обстоятельств дела заявителями.

С. ЗАМЕЧАНИЯ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА, НЕ ЯВЛЯЮЩЕГОСЯ СТОРОНОЙ В ДЕЛЕ

147. Европейская конфедерация профсоюзов придерживалась мнения о том, что судебное решение, основанное на записях, сделанных в результате скрытого видеонаблюдения, не соответствовало статье 6 Конвенции.

148. По поводу соглашений об урегулировании претензий, подписанных третьей – пятой заявителями, ЕКП подчеркнула, что такие соглашения часто использовались при предъявлении работникам обвинений в совершении правонарушения, порождая ситуацию, при которой работники находятся под особым давлением, не получают надлежащей правовой помощи и не могут требовать признания их процессуальных и материальных прав. Европейская конфедерация профсоюзов утверждала, что специфика трудовых отношений требовала осторожного подхода при признании законной силы таких соглашений.

Д. МНЕНИЕ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Общие принципы

149. Европейский Суд напоминает, что его единственной обязанностью в соответствии со статьей 19 Конвенции является обеспечение соблюдения обязательств, принятых на себя Договаривающимися Сторонами. В частности, в его функции не входит рассмотрение предполагаемых ошибок права или факта, совершенных судами государств-ответчиков, за исключением случаев, когда они могут приводить к нарушению прав и свобод, защищаемых Конвенцией. В то время как статья 6 Конвенции гарантирует право на справедливое судебное разбирательство, она не устанавливает каких-либо правил допустимости доказательств, и данный вопрос относится главным образом к сфере регулирования внутрисударственного законодательства (см. Постановление Европейского Суда по делу «Шенк против Швейцарии» (Schenk v. Switzerland) от 12 июля 1988 г., § 45, Series A, № 140, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гарсия Руис против Испании» (García Ruiz v. Spain), жалоба № 30544/96, § 28, ECHR 1999-I). Как правило, Европейский Суд не должен рассматривать

такие вопросы, как значение, придаваемое внутрисударственными судами конкретным доказательствам, выводам или оценкам. Европейский Суд не должен выступать в качестве суда четвертой инстанции и, следовательно, не может рассматривать решения внутрисударственных судов в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, если они не являются произвольными или явно необоснованными (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бочан против Украины (№ 2)» (Bochan v. Ukraine) (№ 2) от 5 февраля 2015 г., жалоба № 22251/08¹, § 61, ECHR 2015).

150. Таким образом, в задачу Европейского Суда не входит принципиальное разрешение вопроса о том, могут ли определенные доказательства (например, полученные незаконно в соответствии с законодательством государства-ответчика) быть допустимыми. Необходимо ответить на вопрос о том, было ли справедливым разбирательство в целом, в том числе способ получения доказательств. Для этого требуется оценить данную непропорциональность и, когда имеет место нарушение другого права, гарантированного Конвенцией, характер установленного нарушения (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «P.G. и J.H. против Соединенного Королевства», § 76, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гэфген против Германии» (Gäfgen v. Germany), жалоба № 22978/05, § 163, ECHR 2010).

151. Что касается оценки характера противоправности или установленного нарушения Конвенции, то, хотя использование доказательств, полученных с помощью меры, признанной нарушающей статью 3 Конвенции, всегда влечет серьезные вопросы в отношении справедливости разбирательства (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гэфген против Германии», § 165), вопрос о том, становится ли судебное разбирательство несправедливым в нарушение статьи 6 Конвенции в результате использования в качестве доказательства информации, собранной с нарушением статьи 8 Конвенции или положений законодательства государства-ответчика, необходимо решать с учетом всех обстоятельств дела, в том числе с учетом соблюдения прав на защиту заявителя, качества и значимости рассматриваемого доказательства. В частности, следует выяснить, была ли заявителю предоставлена возможность оспорить достоверность доказательств и возразить против их использования. Кроме того, необходимо учитывать качество доказательств, а также обстоятельства, при которых они были получены, и определять, не ставили ли эти обстоятельства под сомнение надежность или точность доказательств (см. упомянутые выше Постановления Европейского Суда по делам

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 1 (примеч. редактора).

«Шенк против Швейцарии», §§ 46–48, «P.G. и J.H. против Соединенного Королевства», §§ 77–79, а также упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гефген против Германии», § 164). Хотя необязательно возникают проблемы со справедливостью судебного разбирательства, если собранные доказательства не подтверждены иными материалами, можно отметить, что в случае, когда доказательства очень веские и не вызывают сомнений, предоставление других подтверждающих доказательства становится всё менее необходимым (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гефген против Германии», *loc. cit.*).

152. Европейский Суд отмечает, что вышеизложенные принципы допустимости доказательств были выработаны в контексте разбирательств по уголовным делам, хотя Европейский Суд уже имел возможность применить их в деле, касающемся справедливости разбирательства по гражданскому делу (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Вукота-Божич против Швейцарии», §§ 92–100). Европейский Суд обращает внимание на то, что, хотя гарантии «справедливого судебного разбирательства» необязательно идентичны в уголовном и гражданском процессах, что связано с большими пределами усмотрения Договаривающихся Сторон при регулировании порядка рассмотрения гражданских дел, тем не менее при рассмотрении вопроса о справедливости разбирательства по гражданскому делу Европейский Суд может черпать вдохновение в принципах, выработанных в соответствии со статьей 6 Конвенции применительно к разбирательствам по уголовным делам (см. Постановление Европейского Суда по делу «Кармель Салиба против Мальты» (*Carmel Saliba v. Malta*) от 29 ноября 2016 г., жалоба № 24221/13, § 67). В настоящем деле Европейский Суд полагает, что соответствующие принципы применимы при оценке справедливости гражданско-правового разбирательства.

2. Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

153. Европейский Суд рассмотрит сначала жалобу на нарушение статьи 6 Конвенции, поданную всеми заявительницами в связи с признанием допустимыми в качестве доказательств записей, сделанных с использованием видеонаблюдения, а затем жалобу третьей – пятой заявительниц на признание действительными подписанных ими соглашений об урегулировании претензий.

(а) Использование в качестве доказательств записей видеонаблюдения

154. Европейский Суд напоминает, что он установил отсутствие нарушения статьи 8 Конвенции

в связи с осуществлением видеонаблюдения в отношении заявительниц (см. выше § 137). В то же время Европейский Суд отмечает, что, по словам заявительниц, при осуществлении видеонаблюдения не была исполнена обязанность по предоставлению информации, предусмотренная законодательством Испании, а также что трудовые суды не рассматривали данный вопрос, признав его несущественным для дела (см. выше § 34). Европейский Суд рассмотрит, соответственно, вопрос о том, подрывалась ли справедливость разбирательства в целом в результате использования в качестве доказательств изображений, сделанных с использованием видеонаблюдения.

155. Европейский Суд прежде всего отмечает, что в ходе производства в трудовых судах у заявительниц имелись доступ к записям, полученным в результате видеонаблюдения, и возможность оспорить их достоверность и возразить против их использования в качестве доказательств. Суды Испании исследовали довод заявительниц о том, что видеозаписи подлежали исключению из материалов дела на основании того, что они были сделаны в нарушение основных прав человека, и подробно мотивировали свои решения по данному вопросу. Трудовые суды решили, что согласно прецедентной практике Конституционного суда Испании видеонаблюдение осуществлялось без нарушения права заявительниц на уважение частной жизни. Кроме того, внутригосударственные суды констатировали, что видеозаписи не являлись единственным доказательством по делу заявительниц.

156. По поводу качества доказательства Европейский Суд отмечает, что заявительницы не оспаривали достоверность и точность изображений, сделанных с использованием системы видеонаблюдения, а их жалоба касалась в первую очередь неисполнения работодателем обязанности по заблаговременному информированию работников об осуществлении видеонаблюдения. Вместе с тем суды Испании признали, что видеозаписи представляли собой достаточные гарантии достоверности. Учитывая обстоятельства, при которых были сделаны видеозаписи, Европейский Суд не находит доказательств, позволяющих поставить под сомнение достоверность или надежность видеозаписей. По его мнению, доказательства были достаточно убедительными, вследствие чего отсутствовала необходимость подтверждать их другими доказательствами.

157. Тем не менее Европейский Суд отмечает, что указанные видеозаписи не являлись единственным доказательством, на котором основывали свои решения суды государства-ответчика. Из их решений следует, что они также приняли во внимание показания заявительниц, директора супермаркета, законного представителя юридического лица, владевшего супермаркетом, и представительницы профсоюза, в присутствии которых заявительницы

признали обстоятельства, лежащие в основе дела, а также экспертное заключение, в котором сравниваются изображения, сделанные с использованием системы видеонаблюдения и кассовые чеки. Европейский Суд обращает внимание, что кассовые чеки, которые являются объективным доказательством, на оценку которого не влияет просмотр видеозаписей, демонстрировали, что значительное количество покупок было отменено без оплаты. Что касается третьей – пятой заявительниц, суды ссылались в своих решениях также на признание фактов, которое они сделали в соглашениях об урегулировании претензий. Исследовав данные доказательства в совокупности, суды Испании признали обстоятельства дела в полной мере установленными.

158. Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд считает, что использование в качестве доказательств изображений, сделанных с помощью системы видеонаблюдения, не нарушало в целом справедливость производства по настоящему делу.

(b) Принятие во внимание соглашений об урегулировании претензий, подписанных третьей – пятой заявительницами

159. Европейский Суд отмечает, что суды Испании признали действительными соглашения об урегулировании претензий, подписанные этими тремя заявительницами, признав, что отсутствовали пороки воли при их заключении. Однако в отличие от трудового суда, который решил, что заявительницы, подписав соглашения, отказались от права на обращение в суд, Высокий суд Каталонии в порядке апелляционного производства постановил, что эти соглашения не являлись отказом заявительниц от права на доступ к правосудию, и рассмотрел дело по существу. Высокий суд Каталонии пришел к выводу, что подписанные соглашения содержали односторонний акцепт заявительниц в отношении решения работодателя о прекращении трудовых договоров по основаниям, изложенным в направленном заявительницам уведомлении об увольнении. При данных обстоятельствах Европейский Суд считает, что жалоба заявительниц касается осуществленной судами государства-ответчика оценки действительности и значения доказательства.

160. Европейский Суд отмечает в этой связи, что у третьей – пятой заявительниц имелась возможность оспорить действительность соглашений об урегулировании претензий и возразить против их признания допустимыми доказательствами. Суды Испании проанализировали все доводы, выдвинутые заявительницами, и признали, что из материалов дела не усматривалось ни их запугивание, ни введение в заблуждение со стороны работодателя. Суды Испании изучили об-

стоятельства, при которых были подписаны соглашения об урегулировании претензий, и пришли к заключению, что присутствие при подписании представительницы профсоюза, предварительное признание заявительницами фактов в ходе встречи с этой представительницей профсоюза, а также тот факт, что остальные уволенные работники не подписали соглашение, подготовленное работодателем, исключали вероятность какого-либо принуждения. Выводы судов Испании по этому вопросу не представляются ни произвольными, ни явно неразумными. Наконец, как отмечено выше, внутригосударственные суды основывали свои решения на различных доказательствах (см. выше § 157).

161. С учетом вышеизложенного у Европейского Суда отсутствуют основания для сомнения в обоснованности выводов судов Испании в отношении действительности и значения соглашений об урегулировании претензий, подписанных третьей – пятой заявительницами. Соответственно, Европейский Суд считает, что статья 6 Конвенции не была нарушена в данной части.

На основании изложенного Большая Палата Европейского Суда:

1) постановила единогласно, что правопреемник второй заявительницы имел право принять участие в разбирательстве по настоящему делу вместо второй заявительницы;

2) отклонила единогласно предварительное возражение властей Испании;

3) постановила 14 голосами «за» при трех – «против», что не было допущено нарушения статьи 8 Конвенции;

4) постановила единогласно, что не было допущено нарушения статьи 6 Конвенции в части, касающейся использования в качестве доказательств записей, сделанных с использованием системы видеонаблюдения;

5) постановила единогласно, что не было допущено нарушения статьи 6 Конвенции в части признания соглашений об урегулировании претензий, подписанных третьей – пятой заявительницами.

Совершено на английском и французском языках, передано сторонам на открытом слушании во Дворце прав человека 17 октября 2019 г.

Сёрен ПРЕБЕНСЕН	Линос-Александр
Заместитель	СИЦИЛИАНОС
Секретаря Большой	Председатель Большой
Палаты Суда	Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему Постановлению прилагается отдельное мнение судей Винсента А. де Гаэтано, Анны Юдковской и Йонко Грозева.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список заявителей

Жалоба № 1874/13:

1) Исабель Лопес Рибальда (*Isabel López Ribalda*), 1963 года рождения, проживает в муниципалитете Сан-Селони (*Sant Celoni*).

Жалоба № 8567/13:

2) Мария Анхелес Ганседо Хименес (*María Ángeles Gancedo Giménez*), 1967 года рождения, умерла в 2018 году;

3) Мария Дел Кармен Рамос Бускетс (*Maria Del Carmen Ramos Busquets*), 1969 года рождения, проживает в муниципалитете Сан-Селони;

4) Пилар Саборидо Апреса (*Pilar Saborido Aprésa*), 1974 года рождения, проживает в муниципалитете Сан-Селони;

5) Кармен Исабель Посо Барросо (*Carmen Isabel Pozo Barroso*), 1974 года рождения, проживает в деревне Сант-Пере-де-Виламахор (*Sant Pere de Vilamajor*).

**СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ
ВИНСЕНТА А. ДЕ ГАЭТАНО, АННЫ
ЮДКОВСКОЙ И ЙОНКО ГРОЗЕВА**

1. При всем уважении мы не можем согласиться с мнением наших коллег об отсутствии нарушения статьи 8 Конвенции в настоящем деле. Мы разделяем мнение коллег из Палаты Европейского Суда, которые признали, что в свете действующего законодательства Испании суды государства-ответчика не установили справедливого равновесия между правом заявителей на уважение их частной жизни, гарантированным статьей 8 Конвенции, и интересом работодателя в защите права собственности.

2. Настоящее дело демонстрирует растущее влияние технологий в современном мире и, в частности, затрагивает сбор и использование персональных данных в нашей повседневной жизни. Конвенция как живой инструмент и, соответственно, Европейский Суд должны не только признать влияние современных технологий, но и выработать более подходящие правовые гарантии для обеспечения уважения частной жизни граждан.

3. Масштабное использование персональных данных в современном обществе уже восемь лет назад заставило Европейский Суд обратить внимание на необходимость проявлять «большую бдительность» в Решении по делу с похожими обстоятельствами «Карин Кёпке против Германии» (от 5 октября 2010 г., жалоба № 420/07¹). С тех

пор технологии слежения значительно развились, и объем данных, собранных с использованием таких технологий, существенно возрос. Новые технологии позволяют любому лицу просмотреть сохраненные данные в любом месте в любое время без особого контроля и почти не оставляя следов, что ставит под сомнение вывод большинства судей Большой Палаты по настоящему делу, по мнению которых «лишь директор супермаркета, законный представитель супермаркета и представительница профсоюза просматривали видеозаписи, полученные с использованием видеонаблюдения» (см. § 126 настоящего Постановления).

4. Иными словами, новые технологии значительно облегчили процессы видеонаблюдения и передачи информации, собранной в результате видеонаблюдения, существенно увеличив риск вмешательства в пользование правом на уважение частной жизни, гарантированным статьей 8 Конвенции. Именно по этой причине необходимо на внутригосударственном уровне принять ясное и предсказуемое законодательство, регулирующее вопросы электронного видеонаблюдения. Эта необходимость приобретает еще более острый характер в тех ситуациях, которая была рассмотрена в настоящем деле, когда работодатель использует систему скрытого видеонаблюдения на рабочем месте. Таким образом, мы принципиально не согласны с большинством судей Большой Палаты в том, что они поддержали правовое решение для определенной ситуации, выработанное лишь после наступления обстоятельств конкретного дела и в связи с этим делом. В то время как подобный подход, предоставляющий судье на внутригосударственном уровне определенную свободу при выборе правового решения для конфликта, лежащего в основе конкретного спора о конкурирующих правах, гарантированных Конвенцией, может быть уместным в некоторых случаях, он неприменим, на наш взгляд, в делах, касающихся электронного видеонаблюдения, как раз из-за легкости, с которой технологии позволяют осуществлять наблюдение и передачу изображений с использованием электронных средств, а равно вследствие значительных негативных последствий, которые видеонаблюдение может повлечь для права каждого лица на уважение его частной жизни. По этой причине ясное и предсказуемое законодательство с достаточными и эффективными гарантиями приобретает решающее значение. В настоящем деле действующее законодательство предусматривало лишь одну гарантию, а именно обязанность предварительного уведомления работников об установке и использовании системы видеонаблюдения, и при этом законодатель государства-ответчика не указал каких-либо исключений из данной гарантии. На наш взгляд, этот вопрос является ключевым для целей эффективного правового анализа и принятия решений по настоящему делу.

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 7 (примеч. редактора).

5. Кроме того, законодательство имеет особое значение в контексте трудовых отношений, для которых характерны значительные полномочия работодателя по отношению к работникам, и следует избегать злоупотребления этими полномочиями. Необходимо информировать заинтересованных лиц об осуществлении наблюдения таким образом, чтобы они могли воспользоваться в полном объеме гарантированными им правами, включая право доступа к персональным данным, права уточнять и удалять персональные данные.

6. Неспособность судов государства-ответчика установить справедливое равновесие между конкурирующими правами становится еще более очевидной при анализе законодательства Испании. В Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «S. и Марпер против Соединенного Королевства» ((S. and Marper v. United Kingdom), жалобы №№ 30562/04 и 30566/04, ECHR 2008) Европейский Суд признал, что «подробные правила, устанавливающие объем и порядок применения мер» были необходимы для обеспечения достаточных гарантий от риска злоупотреблений и произвола. Соответственно, по мнению Европейского Суда, «защита персональных данных имеет основополагающее значение для того, чтобы человек мог пользоваться правом на уважение частной и семейной жизни, гарантированным статьей 8 Конвенции». Хотя законодательство о защите персональных данных породило социальную норму, состоящую в признании за каждым возможности контролировать распространение собственных изображений, это право не было предоставлено заявителям в настоящем деле, что вступало в прямое противоречие с законодательством Испании, в частности, со статьей 5 Закона «О защите персональных данных». Если бы были применены положения действующего законодательства Испании, то лица, изображения которых были собраны и использованы, должны были быть заблаговременно об этом извещены. К сожалению, эта возможность была предоставлена не всем работникам, поскольку им не было сообщено заранее о скрытом видеонаблюдении.

7. Большинство судей Большой Палаты Европейского Суда согласны с тем, что законодательство Испании устанавливает, что «необходимо заблаговременно и в ясной форме информировать [заинтересованных] лиц о факте сбора персональных данных и условиях его осуществления», тем самым ограничивая вторжение в частную жизнь и предоставляя работникам возможность регулировать свое поведение. Это требование явно не было соблюдено в настоящем деле. Однако большинство судей дальше отметили, что «предоставление информации лицу, в отношении которого осуществляется наблюдение, и ее объем представляют собой лишь один из критериев, учитываемых при оценке соразмерности данной меры» (см.

§ 131 настоящего Постановления). Действительно, ясная структура, которой следует Европейский Суд при оценке любого вмешательства (требование правомерности предшествует изучению соразмерности), не применима в настоящем деле, так как мы говорим о позитивных обязательствах, а не о вмешательстве, тем не менее, мы считаем проблемой тот факт, что суды государства-ответчика не выяснили, были ли заявительницы проинформированы об установке системы скрытого видеонаблюдения. Трудовой суд, оценивая соразмерность данной меры, не рассматривал отдельно довод заявительниц о том, что их не уведомили о введении видеонаблюдения конкретным образом и заблаговременно, как того требовало законодательство. Вместо этого трудовой суд сослался на Постановление Конституционного суда Испании № 186/2000, в котором последний признал, что вопрос о соблюдении работодателем обязанности о предварительном уведомлении работников являлся обычным вопросом о законности, который не имел отношения к соблюдению конституционного права на уважение частной жизни. Соответственно, суды Испании не применили законодательство, гарантировавшее защиту персональных данных, и не проанализировали детально и индивидуализированно случай заявительниц.

9. Кроме того, мы считаем неудовлетворительной оценку, произведенную судами государства-ответчика при решении вопроса о необходимости скрытого видеонаблюдения. Суд подтвердил, что данная мера была необходима для достижения преследуемой правомерной цели, а именно для установления лица, совершившего хищения в супермаркете. Однако суд не стал выяснять, могла ли работодателем для достижения указанной цели быть применена мера, связанная с меньшими ограничениями для прав и свобод. Данное упущение суда приобретает особое значение с учетом вывода большинства судей Большой Палаты Европейского Суда, согласно которому вопрос о том, возможно ли «установить систему контроля, основанную на менее агрессивных методах и мерах проникновения в частную жизнь человека», является фактором, который следует принимать во внимание в целях обеспечения соразмерности мер, связанных со скрытым видеонаблюдением на рабочем месте (см. § 116 настоящего Постановления).

9. Суды Испании должны были предусмотреть альтернативные меры, которые могли быть использованы работодателем для достижения своей правомерной цели, а именно меры, в меньшей степени посягающей на право работников на уважение их частной жизни. Работодатель преследовал две правомерные цели. Во-первых, он хотел прекратить хищения в супермаркете, и для этого хватило бы предупреждения об установке системы видеонаблюдения. Во-вторых, он хотел установить лиц, ответственных за ущерб, которые он нес в течение

последних месяцев: в данном случае предварительное уведомление о скрытом и открытом видеонаблюдении не помогло бы. Тем не менее, поскольку совершенное хищение представляло собой уголовно наказуемое деяние, работодатель мог и должен был обратиться в полицию, прежде чем принимать подобные меры по собственной инициативе. Желание раскрыть преступление не может служить оправданием для частного расследования, в том числе проводимого в форме скрытого видеонаблюдения, которое представляет собой чрезмерно интрузивную меру и злоупотребление властными полномочиями. Не осудив подобное поведение частных лиц, Европейский Суд подталкивает граждан брать решение правовых вопросов в свои руки. Соответственно, принятие надлежащих мер должно входить в функции компетентных органов власти, поскольку они наделены большими возможностями как с точки зрения полномочий, позволяющих им реализовывать определенные меры, так и с точки зрения их обязанностей и ответственности для того, чтобы следовать рекомендациям о мерах, необходимых в ситуациях вроде рассмотренной в настоящем деле.

10. Большинство судей Большой Палаты Европейского Суда подчеркивают, что они не могут «согласиться с тем, что в целом даже самое небольшое подозрение в том, что имело место совершение работниками хищений или иных нарушений, могло служить основанием для осуществления работодателем скрытого видеонаблюдения», но, несмотря на это, признают, что «разумные подозрения относительно совершения тяжких правонарушений... могут быть признаны серьезными основаниями для видеонаблюдения» (см. § 134 настоящего Постановления). По нашему мнению, в отсутствие обязанности предоставления ясных процессуальных гарантий, наличия «разумных подозрений относительно совершения тяжких правонарушений» недостаточно для принятия подобных мер, так как это ведет к частным расследованиям и может быть использовано в качестве оправдания в недопустимо большом количестве дел. В то время как по общему правилу требование о наличии «разумных подозрений» представляет собой важную гарантию, их наличия недостаточно для защиты права на уважение частной жизни, когда ведется скрытое наблюдение с использованием электронных устройств. При обстоятельствах, как те, что имели место в настоящем деле, когда работодатель прибегает к скрытому видеонаблюдению без предварительного уведомления работников, требуются дополнительные процессуальные гарантии, схожие с гарантиями, которые предоставляются в соответствии с Конвенцией при использовании скрытого видеонаблюдения в рамках производства по уголовному делу. Процессуальные требования, допускающие надежную проверку третьим лицом наличия «разумных подозрений

относительно совершения тяжких правонарушений», а также гарантии от обоснования «постфактум» осуществленного наблюдения должны вытекать из статьи 8 Конвенции. И лишь при условии, что эти процессуальные гарантии были имплементированы, мы могли бы с готовностью согласиться с Постановлением Большой Палаты Европейского Суда.

11. Кроме того, в отличие от Палаты Европейского Суда Большая Палата не провела различия между настоящим делом и упомянутым выше Решением Европейского Суда по делу «Карин Кёпке против Германии». В указанном Решении лишь два работника компании подозревались в совершении кражи, а в настоящем деле все работники попали в объектив камер скрытого видеонаблюдения, установленных за кассами супермаркета. Это неограниченное наблюдение является гораздо более значительным, и суды государства-ответчика, и Европейский Суд должны были с большим вниманием отнестись к данному обстоятельству, тем более что данное наблюдение осуществлялось на протяжении всего рабочего времени, и камеры были установлены таким образом, что заявительницы, работавшие кассирами, не могли избежать наблюдения. Подобные масштабы сбора персональных данных в отношении всех заявительниц следовало надлежащим образом учитывать при решении вопроса о соразмерности меры, принятой работодателем.

12. В связи с тем, что настоящее дело касалось частных работодателей, Европейский Суд, на наш взгляд, должен был подтвердить, дополнить и воспроизвести принципы, изложенные в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бэрбулеску против Румынии» (*Bărbulescu v. Romania*) от 5 сентября 2017 г., жалоба № 61496/08¹ (см. § 121 настоящего Постановления), в отношении дел о скрытом видеонаблюдении вроде настоящего. Хотя указанное дело не касалось непосредственно скрытого видеонаблюдения, в нем Европейский Суд установил важный принцип, относившийся к объему контроля, который работодатель может осуществлять в отношении работников, а также установил множество факторов, которые суды государства-ответчика должны принимать во внимание при определении справедливого равновесия между конкурирующими интересами сторон.

13. Еще одним фактором, упущенным из внимания большинством судей Большой Палаты Европейского Суда, были «последствия контроля для работника, в отношении которого он осуществляется». В Постановлении Европейского Суда по делу «Вукота-Божич против Швейцарии» (*Vukota-Bojić v. Switzerland*) от 18 октября 2016 г., жало-

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2017. № 10 (примеч. редактора).

ба № 61838/10), в котором Европейский Суд установил нарушение статьи 8 Конвенции, заявитель был идентифицирован с использованием камер скрытого видеонаблюдения, что привело, в конечном счете, к переоценке размера его страховых пособий. В настоящем деле большинство судей признали, что, хотя заявительницы были уволены после осуществления скрытого видеонаблюдения, «видеонаблюдение и видеозаписи использовались работодателем исключительно в целях установления и наказания лиц, виновных в выявленной недостатке товаров» (см. § 127 настоящего Постановления). По нашему мнению, хотя персональные данные не использовались для каких-либо иных целей, последствия их сбора и использования не следовало недооценивать, особенно ввиду тех широких возможностей, которые предлагают современные технологии.

14. Аналогичные критерии, имеющие значение при оценке соразмерности в отношении скрытого видеонаблюдения, были выработаны другими судами. Например, в деле «R против Оукс» ((R v. Oakes), [1986] 1 S.C.R. 103) Верховный суд Канады принял во внимание следующие факторы: является ли мера необходимой для удовлетворения конкретной потребности, является ли мера необходимой для удовлетворения этой потребности, является ли вред от посягательства соразмерным приобретаемой выгоде. Такой подход представляется удачным

и может быть использован Европейским Судом при определении наличия справедливого равновесия между конкурирующими правами, гарантированными Конвенцией. Можно обратить внимание также на вывод Верховного суда Канады по делу «Росс против компании “Роуздейл Транспорт Лтд”» ((Ross v. Rosedale Transport Ltd), [2003] C.L.A.D. № 237) о том, что «наблюдение представляет собой исключительную меру, которая может быть применена лишь в случае, когда до ее применения для этого существуют разумные и надежные основания» [перевод выполнен Секретариатом Европейского Суда].

15. Таким образом, мы считаем, что суды Испании, так же как и Европейский Суд, не установили справедливого равновесия между правами работодателя и правами работников. Не установив нарушения статьи 8 Конвенции, Европейский Суд решил позволить скрытое видеонаблюдение на рабочем месте без каких-либо ограничений и без предоставления достаточных правовых гарантий лицам, персональные данные которых собираются и используются для неизвестных им целей. С растущим влиянием технологий в нашей жизни мы не можем позволить частным лицам брать правосудие в свои руки, оставив право на уважение частной жизни, гарантированное статьей 8 Конвенции, без достаточной защиты перед этими новыми вызовами.